

Из земли растут каменья угловаты

*Из земли растут
каменья угловаты...*

*то не камни
то – убитые солдаты*

**с. Майма
2020 г.**

*Из земли растут
каменья угловаты,
то не камни,
то – убитые солдаты...*

Сборник «Из земли растут камни угловаты, то не камни, то — убитые солдаты...», посвящённый 75-летию Победы в Великой Отечественной войне, издан при финансовой поддержке администрации МО «Майминское сельское поселение» в рамках конкурса социально-значимых проектов «Майма юбилейная».

Из земли растут камни угловаты, то не камни, то — убитые солдаты... — Майма, 2020. — 216 стр.

Предисловие

Книга «Из земли растут каменья угловаты, то не камни, то — убитые солдаты» посвящена 75-летию Победы в Великой Отечественной войне.

В таких книгах мало места чему-то лёгкому, весёлому, радужному, мирному.

Наоборот, прочитывая её, читатель видит страшную неизбежность и неопределённость войны, её жуткие события и смертельную опасность, постоянно идущую рядом со всеми, кто находился в этой нелепой бессмысленной бойне.

И в то же время, во всей этой беспросветной неминуемости, бесчеловечности читатель увидит полную самоотдачу всех сил, где ценой жизни, мужественно и героически отвоёвывалось каждое деревце, дом, каждая улица населённого пункта, каждый клочок родной земли.

Уверен, читатель, взяв в руки эту книгу, ты приобретёшь для себя бесценный опыт патриотизма и любви к Родине, оценишь героизм и доблесть каждого воина, самоотверженный изнурительный труд в тылу во имя победы, безмолвное понимание того, что Победа будет за нами!

Георгий Черных, член Петровской Академии наук и искусств.

День за днём всё дальше и дальше уходят страшные годы Великой Отечественной войны. Всё меньше и меньше остаётся свидетелей, тех, кто мог бы нам рассказать о трагических событиях. И мы, их потомки, просто обязаны нести память о людях-

участниках сражений на полях войны, о тружениках тыла, ежедневно совершавших подвиг во имя Победы, во имя жизни будущих поколений.

И важным событием в нашей памяти станет этот сборник, составленный из произведений поэтов Республики Алтай, которые передают эту память в будущее, как Знамя Победы, как драгоценное наследство, своим детям и внукам. И память будет жить...

*Чанчибаева Т.П., член Международного Союза писателей
«Новый Современник» и Российского Союза писателей.*

«Из земли растут камни угловаты.
То не камни, то — убитые солдаты»

С.Дыков

Сергей Дыков

Родился 13 мая 1957 г. в г. Горно-Алтайске.

Окончил в 1976 г. художественное училище в г.Ново-алтайске Алтайского края.

Преподаватель «Колледжа культуры и искусства им. Г.И.Чорос-Гуркина» и истории искусств в Горно-Алтайской художественной школе, художник-постановщик республиканского драматического театра, художник-оформитель, участник областных, республиканских, всероссийских, зарубежных выставок.

Член Союза художников России, член Союза театральных деятелей России, заслуженный художник РФ.

Русский крест

Н.М. Тырышкину — воину и художнику

*В огонь войны нас уходило мало —
Лишь трое из алтайского села —
И вожжи взяв, моя родная мама
До Бийска на подводе нас везла...*

*Мы и проститься толком не успели,
Завыл гудок — и времени — в обрез.
Дружки к окошку подтолкнуть сумели —
Мол, с матерью простись пока ты здесь...*

*Она знаменьем крестным осенила
Троих мальчишек из алтайского села
Стуча колесами железная дорога
В пылающий закат нас понесла...*

*И мы с тревогой радостной летели
Навстречу бою, боли и борьбе
А мамины глаза мне вслед глядели,
Стараясь что-то угадать в моей судьбе*

*Где взрывы ухают, а пулеметы лают,
А пули, как воробышки свистят —
В крови переродит передовая
Нас, мальчиков испуганных — в солдат.*

И переплавит огненной закалкой
Детей полей в воинственный металл,
И бросит в беспощадные атаки
Того, кто никогда не убивал.

В рассветный час вставать
в рубахах смертных
На лязг жующий танковой брони —
За тишину полей и гор туманных,
За деревенек теплые огни...

Мы всё ж вернулись с той войны суровой —
Все трое, вспоминая час,
И русский крест, и крестное знаменье,
Которым мама сохранила нас.

2020 г.

У солдата немного вещей —
Автомат, патроны, мешок —
В нём краюха, да спирта глоток,
И портянки — на случай дождей.

У солдата немного вещей —
Нож да ложка,
Спички, табак...
Подтянись — и смотри веселей!

Отоспится — и к бою готов.
Ну а если притронется Смерть —
Знать Судьба, но важно посметь
С ней сражаться без стонов и слёз.

У солдата немного вещей —
Да желанье просто дожить.
Пережить дороги, бои,
А при случае смерть пережить.

2020 г.

Воем войны
Все с ума сведены...
Но случись в бою
Передышка,
Тишины минутная
Вспышка,
Вдруг покажется —
Нет войны...
Далека ещё
Тишина,
Хоть и кончилась
Эта война...

2020 г.

Георгий Черных

Георгий Черных родился в 1975 г. в г. Красноярске. Стихи начал писать с 9 лет, долгое время не придавая этому серьезного значения.

Посещение литературного клуба, строгие и справедливые замечания «братьев по перу» способствовали дальнейшему росту Георгия, как поэта. И вот он уже один из авторов сборников: «Я сердцем чувствую стихи», «Параллельные миры», «Повозочка», «Пусть откроется жизни страница», «Майма литературная», «Отражение веков», «Среди однотипных коралловых будней», «Мы приходим на Землю», «Дороги солнечная нить» и, наконец, первый авторский сборник – «Времена жизни».

Георгий участник Международного поэтического конкурса 2009 г. «Золотая строфа». Его стихи вошли в 3 альманаха, выпущенные по результатам конкурса.

Член Петровской Академии наук и искусств.

Вспомним

Помолчим.

Вспомним каждого – стоя.

Кто остался на поле боя.

Кто остался форсировать реки

С автоматом в руках на веки.

Кто Москву отстоял ценой жизни.

Кто писал своей кровью Отчизне –

На фасаде больницы в Гродно:

«Будь, Россия, живи свободно!»

Кто на улицах Сталинграда

Истреблял фашистского гада.

Кто на Курской дуге стал героем,

Став единым сплавом с бронёю.

Кто очистил весь мир от фашизма,

Но не чувствовал в том героизма.

А, достигнув Победы в Берлине,

Думал только о русской калине...

Кто и в небе, и в поле, и в море

В своём подвиге стал историей...

Мы вас помним, Отчизны сыны.

Помним всех, не пришедших с войны.

Страх войны

*Да, сорок первый был тогда всем страшен
Людской потерей и слезою вдовьей.
Был под Москвою чистый снег окрашен,
Пропитанный до грунта алой кровью.
Да, страх присутствовал. Но не было испуга.
Был страх за тех, кто ждать остался дома,
За будущее Родины, за друга,
Стоявшего у берега излома.*

*Был следующий год ещё страшнее:
Боями затяжными, и блокадой...
Но бились насмерть, стали твёрже, злее
В атаке штыковой под канонадой.
Шли на врага – под флагами и с песней.
Плюя на смерть, шагающую рядом,
Хрипели ей: «Умрём спокойно, если
Возьмём с собой... того, в ряду десятом!»*

*И в сорок третьем страшно было очень.
Ещё не веря в счастье перелома,
Наш путь до дома стал ещё короче...
Но взяли мы тогда тот берег Дона!
И мы не знали, что страшнее было –
Бег немцев или наш напор атаки.
Но распирала наши души сила
От гордости, что дали мы собаке!*

Нам страшно было и в сорок четвёртом.
Но больше злости, что живучи фрицы.
...Вот здесь страх был –
погибнуть не свободным,
Почти освободив свои границы.
И шли в атаку с севера до юга.
По всем фронтам шли в контрнаступление...
Да, страх присутствовал. Но не было испуга...
А накрывала злость до иступленья.

И взвился флаг над сверженным Рейхстагом!
И скрылся страх в глубокую воронку...
Но, было страшно – в мае сорок пятом
Послать на чей-то адрес похоронку...
Но в День Победы всё в нас ликovalo!
И, как бы ни было, мы это пережили.
А, главное, душа осознавала —
Мы победили страх! Мы – победили!

**ИЛЬЕ ЗАХАРОВИЧУ ШУКЛИНУ,
С ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬЮ**

*В многодетной крестьянской семье,
Проживающей в Чёрном Ануе,
Жил мальчишка обычный, как все,
И не прочил себе жизнь другую.*

*Рос, учился, свой край изучал,
Постигая мир детскою сутью.
Маме, папе, друзьям помогал,
Воздух горный вдыхая всей грудью.*

*Переехали в Ойрот-Туру,
Ныне Горно-Алтайск и столица.
Там, играя с сестрою в игру,
Он не думал, что что-то случится.*

*Ведь сейчас – только школа и класс,
Лыжный спорт. Сборы. Споры собраний...
Но наставшей войны горький час
Пробил, лишь выпускной отыграли.*

*Пролетел в голове мыслей шторм:
«Добровольцем!» — порыв был неистов!
И поехал Шуклин в город Томск,
Став курсантом-артиллеристом.*

Потянулись учебные дни.
А по сводкам – вошли в Моховую.
И болела душа у Ильи.
И хотелось – на передовую.

Но свершилось! Отправка на фронт
Лейтенантами арт батареи!
Расставался «Катюшей» перрон
Так, что окна теплушек звенели!

Молодые, ещё без щетин.
Но упрямство во взгляде лучистом:
И не важно, что ждёт впереди,
Важно – едут сражаться с фашистом!

В первом бое все мысли в Илье
Были в сбитых "пантерах" пропеты!
Он их встретил верхом на коне,
«Так – видней», — написали газеты!

И в сражении за Сталинград
Не берёг лейтенант свои силы.
Сломлен здесь был злодей-супостат,
Тут фашист разглядел край могилы!

*А Шуклин и в жару, и в мороз
Беспощадно сражался с нацистом.
...Но у станции Святогорск
Он остался лежать в поле чистом.*

*Там, со слов его верных бойцов,
Он лежал головою на запад,
Точно, даже сейчас был готов
Всех заставить коричневых драпать.*

*Он погиб, став с Отчизной един,
И страну, и людей защищая.
Офицер, сын Алтая Шуклин –
Сделал ближе девятое мая.*

*Чтят и помнят в родной стороне
Имя славного сына России!..
Отражаются в вечном огне
Счастье детства и
небо синее...*

ПОВЕСТЬ, РАССКАЗАННАЯ НА ПРИВАЛЕ

*"Мы отходили на восток.
Мы видели такое,
Когда наш полк попал в "мешок",
А нас осталось трое.*

*И лился потом стыд в глаза
От жуткой massировки,
Когда бежали по лесам,
Крадучись, как полёвки.*

*Лес был бесшумен, будто мёртв.
Вдруг, где-то недалёко,
Как словно мячиком о корт
Стучал ракеткой кто-то.*

*Помедлив чуть, пошли на звук.
Там, рядом у околка,
Полусидел наш политрук,
Израненный осколком.*

*Плечо в крови, в глазах туман.
Уже дымил махоркой.
Я вышел первый: "Капитан!
Ну вот, и есть четвёртый!"*

Узнав, он попытался встать,
Но, и, не сделав шага,
Упал (такая боль, видать),
Присел и, вдруг заплакал.

И потому, что не один,
И от нестерпимой боли.
Нам он сквозь слёзы говорил:
"Какой я, к чёрту, воин!

Я не сумел сберечь наш полк!
Все, кроме нас, убиты!..
Какой от раненого толк", —
Закончив ядовито.

И, взяв наган, поднёс к виску,
Глаза зажмурив крепко.
Но мы здесь были начеку —
Схватили его цепко.

"Не дело это, а мура", —
Кричал я, не скрываясь,
Что нас услышит немчура,
Отборно выражаясь.

"Ну, нет, товарищ капитан,
Не будь бескомпромиссным.
Такой уход отдай врагам —
Адольфам ненавистным!

Кому фашистов дальше гнать:
Жене? Детишкам? Деду?
А кто же будет воевать
За общую победу?

Какой ты нам даёшь пример –
Врага так не осилить.
Ведь ты же русский офицер
Страны своей – России!.. "

Отдав назад ему наган,
Я продолжал спокойней:
"Прости, товарищ капитан,
Подходу не по форме.

Возьми, и больше не дури...
Давай, плечо умою...
А пулю эту подари
Врагу на поле боя".

Он встал, и процедил сквозь боль:
"Здесь всем не до доклада.
Ты прав во многом, рядовой.
Пошли до Ленинграда".

Что дальше?.. Кто-то в медсанбат.
А нам – паёк штрафбатный...
Мне повезло, я Ленинград
Увидел безблокадный.

Сейчас вот, с чаем у костра
В лесу под Кенигсбергом...
А всё к чему я тут... Вчера,
Совсем забыв про это,

Услышал за своей спиной,
На узком перекрёстке:
"Ну, здравствуй, бывший рядовой,
Мой злой хороший крёстный!"

Я повернулся – капитан,
Тот, раненый, из леса.
Уже майор. Одет в реглан,
Был схож в нём на черкеса.

Я "честь" отдать, а он, смеясь,
Обнял меня за плечи:
"Есть у меня с собою язь –
Употребим за встречу!"

Давай, товарищ старшина,
Пока нет генералов".
И зазвенели ордена
Под звон простых стаканов!

Язь – жирный, Волжский, – был хорош!
Майор, оставив фляжку,
Держа кисет промеж ладош,
Сказал, куря взятяжку:

"Я помню все твои слова –
Про дар врагу, про поле.
Про будущие торжества,
Как будет враг разгромлен.

Я эту пулю сохранил
В санчасти и в штрафбате.
Прошёл с ней тысячи горнил,
Фашиста колошматя...

...Я ненавижу болтовню,
Но это – как признание:
Я пулю эту сохраню,
Но не в напоминанье.

Когда возьмём, войдем в Берлин,
Подобно урагану,
И будем рады как один,
То я её достану.

И вот, когда взовьётся флаг
Над сверженным Рейхстагом,
Я крепкий закурю табак
И – рассчитаюсь с гадом!

И, чтобы уж наверняка,
Я с пулей – всю обойму
Всажу в те стены варнака
И с радостью ... и с болью.

За всё расплатится палач!
За всех придёт расплата!
За матерей! За детский плач!
За каждого солдата!

За боль сожжённых деревень!
За скорбь на похоронку!
За каждый выдержанный день!
За каждую воронку!

И краской,
Будто кумачом –
Любой, увидев, вникнет, –
Впишу –
**КТО К НАМ ПРИДЁТ С МЕЧОМ,
ТОТ ОТ МЕЧА ПОГИБНЕТ! "**

Владимир Удьяев

Владимир Александрович Удьяев родился в 1946 г. в посёлке Троицк, Троицкого района, Алтайского края. Окончил Бийский педагогический институт. 26 лет преподавал в школе русский язык и литературу. Пленённый волшебной поэзией А.С.Пушкина, стихи начал пробовать писать с 12 лет.

Печатался в газетах: «Голос хлебороба», «Алтайская правда», «Листок», «Правда Горного Алтая».

В 2011 г. опубликовал авторскую книжку «Колокола России», печатался в сборниках: «Дороги солнечная нить», «Мы приходим на землю».

Живёт в с. Кызыл-Озёк, Майминского района, РА.

Член Петровской Академии наук и искусств.

О войне

*Всегда найдётся тот, кто скажет мне:
— Писать стихи на тему о войне
Тебе нельзя на основании том,
Что ты родился лишь в 46-ом.
Не по себе, мол, братец, ношу взял,
Так как с рождением малость запоздал.*

*Ну, что ему на это возразить,
Коль человек до мелочей дотошный?
Да, время невозможно вернуть,
Но в прошлом побывать вполне возможно.*

*Я знаю о войне не понаслышке,
И знания почерпнул из умной книжки,
Той самой, что ИСТОРИЕЙ зовётся.
И разве прошлое в душе не отзовется?*

*С волнением шёл я по страницам книг
Тех, что оставил внукам фронтовик;
Приняв их с благодарностью в наследство,
Дорогами войны пошёл я с детства.*

*И фильмы до сих пор люблю смотреть
Военные, не сдобренные ложью,
Где под руку порой Любовь и Смерть
По фронтовому бродят бездорожью.*

Поэтому я был на всех фронтах
И принимал участие в каждой битве.
Я видел кровь на трупах и бинтах,
И сердцем слышал стоны и молитвы.

С Синцовым отступал я до Москвы,
Теряя на пути живых и мёртвых,
Но там фашистам – кулаком под дых,
Начистили по-русски фрицам морды.

Я в пятом классе с Тёркиным сдружился,
И по одним дорогам с ним ходил,
В одной землянке рядом спать ложился
И слышал всё, о чём он говорил.

Привинчивая орден к гимнастёрке,
Шутил Василий: «Надо знать места,
Пошёл я утром, братцы, за махоркой –
А там мне – орден Славы, как с куста!»

Я с Суровцевым рядом воевал
На Невском пяточке, под Ленинградом,
Пух с голода и тоже умирал
В том 41-ом, в жуткую блокаду.

Бомбёжка, взрывы, рёв, надсадный гул,
Лязг гусениц и грохот канонады...
Я этого «добра» сполна хлебнул
Под Курском и в окопах Сталинграда.

С Биденко я не раз ходил в разведку
И брал очередного « языка»,
А как-то по весне влюбился в Светку,
В тылу врага, в отряде Ковпака.

Хотя не раз пытался враг всерьёз
Нас выкурить из партизанской зоны,
Мы поезда пускали под откос,
Громя попутно вражьи гарнизоны.

Куда ещё война меня бросала
Я умолчу, и в этом нет греха:
Мне и в романе места будет мало,
Тем более, не хватит и в стихах.

Но гордый облик комсомолки Зои
Не вычеркнуть из памяти моей:
Поскольку я в Петрищеве, зимою,
Стоял на эшафоте рядом с ней.

И, может быть, с максимализмом детским,
Но клятву дал я именно тогда,
Что я, мальчишка – сын страны Советской!
И таковым останусь навсегда.

2020 г.

Светлана Костина

Родилась в 1982 г. в Республике Алтай с. Майма.

В 2000 г. поступила в Горно-Алтайский государственный университет на факультет филологии.

Параллельно с учёбой работала в республиканской массовой газете «Листок» редактором юмористической страницы.

Окончив университет в 2006 году, стала работать корреспондентом в республиканской газете «Звезда Алтая». Работала корреспондентом Майминской районной газеты «Сельчанка». Член Союза журналистов России.

С 2000 года начала пробовать себя в прозе. Одна из авторов сборников: «Майма литературная», альманаха «Майминское Прикатуны», «Среди однотипных коралловых будней», «Снова память распахнута настежь» и др.

Пионерский лагерь

*Летом 1941 года, родители отправляли своих
детей в пионерские лагеря. Многие больше не
встретились...*

К 75-летию Великой Победы

*Жарко, и хотелось газировки.
Вдалеке темнел знакомый сквер.
Бабушка не унималась:
«Вовка, помни, ты — советский пионер!»
В сумке книжка с повестью Гайдара,
Компас и на всякий случай йод.
Дедушка не переносит жара,
Провожать, наверно, не придёт.
Мамин сарафан из крепдешина,
Многоцветный, словно Первомай.
Мама в темечко целует сына:
«Только малышей не обижай».
В сумке перочинный нож, рогатка,
Спрятанные в вязаный носок.
Папа обнял, и ответил кратко:
«Будь собою, главное, сынок».
Братик-октябрёнок строит рожи,
Тоже в лагерь хочется, поди.
— Ты же пионером будешь тоже,
Так что хорошо себя веди.*

*В сумке два рубля, чулки, галоши.
На перроне шумно и красно.
Бабушка сказала: «Мой хороший,
Помаша, пожалуйста, в окно...»
Пионеры уезжали в лагерь,
На перроне гам и суета,
Всё смешалось — барабаны, флаги,
Галстуки, сирень и поезда.
Взмах рукой, последний и прощальный,
В сумке есть чернила и блокнот.
Здорово, что есть «Артек» и Сталин.
Лето, солнце, сорок первый год...*

Однажды ночью

По мотивам истории ветерана Великой Отечественной войны

*Иван Петрович очень рано встал,
Иван Петрович снова плохо спал,
Ему приснился 43-й год,
Ему приснился Белорусский фронт.
Нет, ему снилась вовсе не война,
А та, о ком не ведала жена,
О ком он помнит семь десятков лет,
Всё думает — живая, или нет?
Её глаза — два чёрных уголька,
Тесьма в косе и запах молока...
И россыпь звёзд и влажная трава,*

И шелест слов, горячих, как смола.
«Я так люблю тебя, я так люблю,
Не смей погибнуть в завтрашнем бою!»
И ток от рук, её дыханья шум:
«Вернись живым, и я тебе рожу».
Был страшен бой – кровавый ураган,
В нём ранен был, но был спасён Иван.
В санбате он, с повязкой на груди
Молил сестру: «Найди её, найди!»
Но не нашли, искали – не нашли,
Да, где найдешь? Селение – сожгли.
С тех пор и снится... Семь десятков лет
К нему приходит тёмный силуэт,
И память ворошит, и душу рвёт.
«А вдруг жива? А вдруг ещё живёт?»
Иван Петрович очень рано встал.
Жена спала под грудой одеял.
Он в полутьме пробрался на балкон,
Где дождь трещал, как старый патефон.
Неспешно сигарету сунул в рот:
«А вдруг жива? А вдруг ещё живёт?»
О, как хотелось, чтоб она жила,
Чтоб до седин она свой путь прошла,
До правнуков, до свадьбы золотой.
До грани, до усталости земной.
Чтоб помнила, чтоб пронесла сквозь сны
Вкус поцелуя с горечью войны.

*Горит фонарь и ноет голова,
Проходит ночь, и жизнь почти прошла.
Лишь две звезды блещут издалека –
Два чёрных, негасимых уголька.*

Сергей Агдыков

Родился в 1967 г. в с. Ак-Ширак Киргизской ССР, алтаец.

В 1995 году окончил Горно-Алтайский государственный университет. Специальность — учитель истории и социальных дисциплин.

Трудовую деятельность начал рабочим в г. Оренбурге.

С 1985-1987 гг. — служба в рядах Советской Армии. С 1986 года служил в составе контингента Советских войск в Афганистане. Участник боевых действий в Афганистане.

1987-1989 гг. — монтер пути путевой-магнитной станции в г. Оренбурге.

1989-1992 гг. — учеба в Оренбургском государственном педагогическом институте.

1993-1995 гг. — преподаватель истории в с. Карагуж, Красногорского района, Алтайского края.

С 1995 года — редактор социального отдела редакции республиканской газеты «Звезда Алтая».

Член комитетов ГС-ЭК Республики Алтай по образованию, культуре, средствам массовой информации и общественным объединениям и социальной защите и охране здоровья населения. Член Союза писателей России.

Одиночество и дождь

Дождь, не переставая, лил за окном. Серый рассветный туман плющился о стекло, за которым смутные тени деревьев уныло качали тяжёлыми мокрыми ветвями. Горы, обступившие город, посерели и угрюмо смотрели на суету жизни. Первые пешеходы, заслонившись зонтами, уныло брели по лужам. А небо не давало никаких надежд, оно было затянуто плотным покрывалом туч, и лило, лило влагу — изматывающие, мелко морозящие слёзы неба — на горы, дома, на поникшие головки цветов.

Как всегда, старик проснулся от боли. Сон был тяжелый, рваный, состоящий из пёстрых лоскутьев воспоминаний, мучительных и горьких оттого, что это было прошлое, которое, как известно, не вернёшь, и здесь боль явилась спасением. Она пронзила худое и дряблое тело старика, ударила в скрюченную, израненную руку, вгрызлась в иссохшие кости позвоночника, и старик, застонав, проснулся.

За окном монотонно шумел дождь. Его безжалостные капли выбивали барабанную дробь из жестяного карниза.

«Вот отчего снились барабаны», — усмехнулся старик. В полутёмной комнате, со стены, на старика смотрели с фотографий десятки серьезных и улыбающихся глаз. Все фотографии были вделаны в одну общую раму под стеклом, и только один снимок немолодой, с пронзительным взглядом женщины, висел отдельно.

— Здравствуй, Уля, — сказал старик

Боль не отпускала, и старик, скрипнув зубами, поднялся. На кухонном столе была записка: «Тихоныч, завтра ждём. Пётр».

— Завтра это, значит, уже сегодня, — подумал старик, и тут же рассердился, — записки пишет, словно я совсем из ума выжил, будто я ничего не помню.

Сегодняшний праздник старик не очень любил, то есть раньше это был самый светлый, самый великий день его жизни, но со временем он становился всё печальнее и печальнее. С каждым годом этот праздник встречало всё меньше и меньше друзей, а показухи и сюсюканий, которых старик не мог терпеть, становилось всё больше.

— Особенно в последнее время, — ворчал про себя старик, — болтуны, одни болтуны, наговoryт, наобещают, а потом хрен что допросишься. А ведь на следующий год опять полезут на трибуну, опять обещать будут, хоть бы уж не лезли, а дали бы по-человечески встретить праздник. Может, вообще не пойти?

В это время в дверь позвонили.

— Ты чего? Ещё не одет? А ну, давай, быстрее, — затараторил с порога небольшого роста старичок.

— Петро, да у меня... у меня вот рука что-то болит. Может, я не пойду, а?

— Сдурел, Тихоныч. Давай, давай, одевайся. Ждут же, наши уже все поехали.

— Ладно, сдаюсь.

В переполненном автобусе строгая высокая женщина поднялась и уступила им место.

— Сиди, сиди, дочка, — засуетился старик.

— Как же, дедуль, сегодня праздник, садитесь, пожалуйста.

— Садись, дед, — загудел автобус.

Растерянно оглянувшись, старик неуклюже сел.

— Видал, Тихоныч, уважают! — засмеялся Петр.

Старик ничего не ответил, ему было неудобно, что он невольно стал объектом внимания всего автобуса. Кто-то, шумно дыша перегаром, навалился над стариком всем телом:

— Люблю, я, вас, дед, ветеранов. А место уступили, так ты садись, потому что в обычный день они на тебя даже и не посмотрят, так что сиди, дед, пока есть возможность, сиди! — и пьяный с руганью полез на выход

— Ведь прав, змеёныш, а? — подтолкнул его Пётр.

— Да, ну, их! — отмахнулся старик.

На остановке «Парк Победы» вышел почти весь автобус. Многие были с цветами. Старушки-вдовы в чёрных платках, низенько пригнувшись к земле, мелко семенили к памятнику. Площадка перед Вечным огнём была наполнена празднично одетым народом. Дождь на время перестал, и из рваного покрывала туч выглянуло бледное солнце.

— Филат Тихоныч, Петр Иванович! — крикнули им из небольшой, блестящей орденами и медалями, группы ветеранов. — Идите сюда.

На импровизированной трибуне, меж тем, менялись ораторы. Старик не особенно вслушивался в их речи. До слуха долетало:

«Милые... Родные... Спасибо...» — и так далее. А одна дама, с необъятным бюстом, даже прослезилась.

— Видал, — шепнул ему Пётр, — плачет, а я у ней три дня машину дров выбивал.

— Выбил?

— Куда там! Пока соседа не попросил. Почти полпенсии ушло.

— Ты знаешь что, Петь, я пока до земляка схожу, и скоро приду.

И, чувствуя нарастающее, непонятно откуда взявшееся раздражение, старик выбрался из толпы. Пройдя по небольшой аллее, где были установлены бюсты Героев Советского Союза, он остановился перед одним. Мимо него смотрел на мир молодой паренек в пилотке.

— Здравствуй, Семён, — тихо сказал старик...

* * *

В предраассветном тумане, как по широкому лугу, скакали кони. Вдалеке шумела река, ветер бил в лицо, дышалось легко и свободно. Седла не было, и лёгкое мальчишеское тело нещадно билось о спину коня.

— Сёмка-а! Подожди!

— Не отставай, Филька, не отставай! — кричал, обернувшись, Семен, и его живые, а не бронзовые глаза, весело сверкали в улыбке...

— Так и не догнал я тебя, Семен! — старик до боли всматривался в знакомые и вместе с тем незнакомые черты бронзового человека, узнавая и не узнавая того паренька, который смеясь кричал ему: «Догоняй!».

Потоптавшись перед бюстом, старик неловко повернулся и пошел туда, где динамик разносил речь очередного оратора, где возбужденно гудела праздничная толпа. Снова стал накрапывать дождь, и старик почувствовал, как заныла рука, и тупая, ноющая боль вгрызлась в поясницу.

— Ты чего? — встревожился Петр, взглянув на побледневшее лицо друга, — ну-ка, пойдем, присядем.

— Вы куда, товарищи? — спросил кто-то.

— Филату плохо, мы пойдем, присядем

— Может врача вызвать?

— Нет, не надо, — слабо махнул рукой старик, и, опираясь на Петра, побрел к скамейке. Со стоном сел, баюкая руку на коленке.

— Да, брат, тебе лечиться всерьез надо, — сказал Петр

— Ну, их, — махнул в сторону трибуны здоровой рукой Филат и поморщился.

— Это с 44 — го, да? — спросил Пётр.

— Угу, — кивнул головой старик и прикрыл, глаза.

* * *

...Первая рота, бегом марш! — слышалась в темноте команда, и трапы застонали под сотнями пар ног. Морские пехотинцы грузились на транспорт, чтобы под покровом ночи высадиться на западном берегу острова Сааремаа и добить находившуюся там разбитую, истерзанную, но не сдавшуюся группировку противника. Эта группа, выбитая с материка, раненым зверем металась по острову, круша и уничтожая всё на своём пути. Они приговорили себя к смерти и бились жестоко, до последнего. Наша танковая дивизия выбила их с главного города острова Курессааре, и они хлынули вглубь его, сметая всё живое.

— Враг жесток, опасен, он понимает, что ему крышка, и поэтому будет драться вдвое сильнее, тем более, там почти одни эсэсовские части, а они-то знают, что им терять нечего, — звучал в ушах хрипловатый голос командира бригады морской пехоты Обухова.

— Высаживаемся у деревни Техумарди, там мелководье и место для высадки удобное, перерезаем дорогу и ждём танкистов из города. Они уже никуда не денутся, мы их запечатаем на полуострове... хм, острова. До рассвета высадиться и оседлать дорогу. Ясно?

— Товарищ старший лейтенант, товарищ, — кто-то толкал за плечо Филата.

— Что? Что случилось?

— Капитан велел приготовиться к высадке.

— Понял.

Ветер гнал большие волны, и они с шорохом ударялись о борт транспорта. Бойцы, скрючившись от ветра и холода, тесно лежали на палубе. Вокруг была крошечная мгла. Первая ноябрьская ночь 44-го года плакала мелким, морозящим дождём.

— Приготовиться к высадке, — перекрывая шум моря, — закричал Филат.

— А, где же берег?

— Туды его мать, куды высаживаться, одно море кругом,

— слышались встревоженные голоса.

— Может тебе ещё адмиральский катер подать, дубина, чтобы до берега, как барон дошёл?

— Ха-ха-ха

— Ох, и искупаемся, братишечки.

— А мыло взял, охламон?

— Может быть, тебе веник ишшо...

Отворачиваясь, от ветра бойцы кучно стояли у бортов и ждали сигнала к высадке.

— Пошёл! — напрягаясь, заорал Филат, и первым ухнул за борт по грудь, в ледяную воду.

— А-а-а-х, ы-ы-ых, у-у-х, ты, — слышалось вокруг.

Вытянув руки с оружием над головой, морские пехотинцы брели к берегу. Волны захлёстывали с головой, мешали идти, сбивали с ног. Брели долго, постепенно становилось всё мельче и мельче. И вот уже первые шумно дыша, выходили на берег.

Деревня спала. Ни в одном из домов не горел свет, только заливались лаем собаки на, неизвестно откуда взявшихся людей. Когда вся рота вышла на берег, Филат повёл её к дороге.

Вся тёмная водная гладь залива была заполнена движущимися точками — высаживалась бригада. Даже обоз с лошадьми, полевыми кухнями, санбатом, и другими службами, с матом и ржанием, тоже высаживался на неприветливый берег. Хлюпая мокрой одеждой, морские пехотинцы, мелкой рысью, пытаясь по пути согреться, бежали к дороге.

— Стой. Разжигай костры, — скомандовал Филат.

И рота кинулась в сосновую чащу. Вскоре затрещали костры, и морские пехотинцы, дрожа от холода, тесно обступили их. А бригада всё выходила и выходила и воды.

— Товарищ командир, шум слышите? — крикнул ему кто-то из бойцов.

Прислушавшись, Филат уловил доносящийся из-за поворота гул. «Город в другой стороне, — подумал он, — кто же

это может быть? Неужели немцы?»

Гул надвигался, и уже по тёмному строю высоченных сосен, заметался беспокойный свет фар. В роту прибежал посыльный от командира бригады.

— Что это, товарищ старший лейтенант?

Филат не успел ответить, из-за поворота выскочила приземистая громада танка.

— Немцы, мать их! — ахнул боец и побежал назад.

— К бою! — закричал Филат. И рота рассыпалась по обочине.

За первым танком выскочил второй. Потом третий, потом ещё, ещё... Их броня была густо облеплена пехотой.

— Сколько же их по наши души? — подумал Филат, и громко дал команду:

— Гранаты к бою!

Бригада высаживалась уже бегом, сразу начиная наспех окапываться у околицы деревни. С плотов вытягивали пушки-сорокопятки и рысью, бегом, ставили на прямую наводку. Разбуженные жители деревни, лопоча что то непонятное, в панике покидали дома. Слышен был плач детей, лай собак, тревожное мычание коров, и всё это перекрывал нарастающий гул. Это шла смерть.

Под первыми двумя танками лопнули гранаты, и они, распластав по дороге гусеницы, вздрогнув, остановились. Пехота была сметена с брони ураганным огнём. Остальные танки ринулись, валя деревья и сминая кустарники, на деревню. Стрельба превратилась в сплошной грохот. Словно снопы соломы, вспыхнули дома, и стало светло, как днём. В кроваво-красном отсвете пожарища метались тени, трассирующие пули прошивали ночное небо в разных направлениях, слышался лязг и грохот. Только тела погибших лежали на мягком эстонском песке, тихо и неподвижно.

Две силы столкнулись грудь с грудью. Немцы рассчитывали танковым, бронированным кулаком смять и уничтожить морских пехотинцев, но они выдержали этот страш-

ный удар. Около десятка танков полыхали, и пламя от них вертикально уходило в небо. Тогда в атаку, в полный рост, ринулась немецкая пехота. Навстречу ей из темноты, из опаленной и сожжённой пламенем деревни, зажав во рту ленточки бескозырок, в полосатых тельняшках, на отборных парней из Германии пошли морские пехотинцы. Началась рукопашная нечеловеческая битва, начался знаменитый те-хумардинский ночной бой. Бились молча прикладами, штыками, ножами, саперными лопатками, и только последние вскрики умирающих слышались среди ударов и тяжелого дыхания сотен людей.

Во время боя Филат потерял фуражку, и так же, как все, в одной тельняшке, зажав в одной руке лопатку, а в другой нож, с хрипом бил и бил по какому-то сплошному месиву лиц, рук и тел.

Рядом деловито орудовали прикладами обозники. Всем им было примерно по 45 годов, и они плотной группой, действуя винтовками, как дубинами, пробивали бреши в густой толпе немцев. Плотные, низкорослые, почти все сибиряки, они были зажаты немцами, и после жестокой схватки изрублены и изрезаны.

Среди них, был мой дед Михаил Петрович Аддыков, ему было 44 года,

и умер он от ран 30 ноября 44 года. Вечная им всем память!

Сначала Филат почувствовал дикую боль, пронзившую его поясницу и, падая, он успел заслониться рукой от эсэсовского ножа, как в голове вспыхнула и разорвалась тысяча солнц.

* * *

...Открыв глаза, старик еще раз кивнул головой, и сказал: «Да, с сорок четвертого».

Потом они сидели на квартире у одного ветерана, и меньше всего говорили о войне. Больше ругали правитель-

ство, цены, вспоминали прошлое житьё-бытьё и умерших ветеранов-фронтовиков. Пили водку и быстро хмелели. Им было обидно и непонятно, что же это произошло в их родном отечестве, которое они, не щадя своей жизни, обороняли в тех далеких, как молодость, сороковых.

Поддерживая под локоть опьяневшего Петра, старик брёл домой. Дождь всё моросил и моросил, и под фонарями его капли серебряными струями ложились на тёмный асфальт.

На следующее утро, взяв старенький зонтик, старик поехал на кладбище. Среди сотен оградок он нашёл своих. В одной ограде две могилы: жена и сын.

— Здравствуйте, мои родные, — поздоровался старик и сел на скамейку.

Жена не хотела почему-то своей фотографии на памятнике, а вот фотографию сына он всё-таки сделал и теперь тот, смотрел на мир всё такими же улыбающимися глазами, как и двадцать лет назад.

Сын, сыночек! Когда родился, так отчаянно кричал, шумный был, рано ходить и говорить начал. Потом уже школьник — драчун и забияка, но учился хорошо. Вечно оцарапанные коленки и две самые любимые вещи в мире: футбол и книги. Из армии пришёл, не дал им с матерью опомниться, бах, сразу после первого курса военного училища, женился. Правда, девочка хорошая попалась, даже когда его не стало, долго открытки к праздникам присылала, но жизнь есть жизнь, вышла замуж и живёт где-то на Севере.

А тогда долго детей у них не было, и старик как-то смущённо улыбаясь, сказал:

— Сынок, вы уж там, когда нам внука подарите?

А, сын, беспечно махнул рукой и, весело рассмеявшись, ответил:

— Попозже, батя, всё усеется, сейчас не модно рано детей заводить.

Старик удивлённо хмыкнул:

— Уже и на это мода появилась.

— А как же, батя! Мода сейчас на всё.

А потом был тот страшный день, когда жизнь старика раскололась и рассыпалась вдребезги. В апреле 1984 года, в Пандшерском ущелье пал смертью храбрых, командир разведроты 357-го парашютно-десантного полка, капитан Телечинов.

Потом был туман: удар у жены, дикие истерики невестки. Что и говорить, любили они его очень. И страшная боль, раздиравшая сердце. Тогда и выплакал старик все слёзы. Прятался от людей и был в тоске, как загнанный волк, кусал в кровь губы и руки, и в бесщётный раз раздирал его рот вопрос: «Почему? Что плохого сделал его добрый и жизнерадостный сын? Почему в мирное время пресёкся его корень, почему не будет продолжения его рода, и для чего он один, как выдернутое из земли с корнем дерево, живёт ещё на земле, где не осталось ни одного родного человека?»

И вспоминались ему старенькие мать с отцом, умершие сразу после войны, и ясно видел он лица своих двух лихих братьев, героически погибших на фронте, и сына, почему-то весело улыбающегося, и жену — свою единственную навсегда любовь, её грустное и милое лицо.

Вновь и вновь возвращался старик в то далёкое и жаркое лето 45-го года, когда она, девчонка с загорелыми коленками, дерзко глянула на него, фронтовика-инвалида в орденах и медалях, своим проницательным взглядом, и дрогнуло сердце отставного капитана. Смутил его огрубелую душу этот ясный девический взгляд, и потерял лихой морской пехотинец покой.

— Уля, пойдёшь за меня замуж? — смущаясь, спросил он.

— Пойду, Филат Тихонович, — тихо сказала она, и обожгла, взглянув до головокружения своими черными глазами.

Потом была жизнь со своими радостями и огорчениями. И вот больше не стало радости и надежды. Она ненадолго

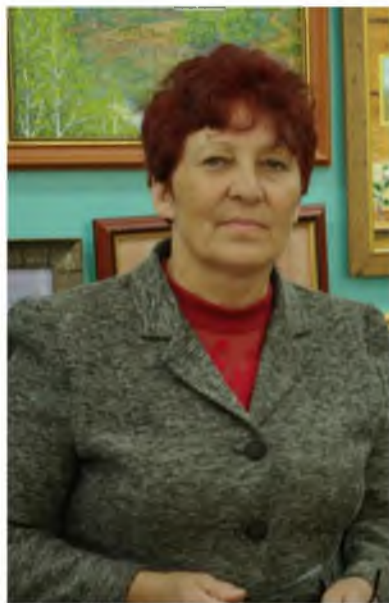
пережила сына. На похоронах старик не плакал, он, будто застыл в своём горе, окаменел. Целыми днями глухой и немой сидел в своей комнате. Старик мужественно принял удар судьбы и боролся с ней один на один, как солдат, как тогда в 44-м, когда его роту зарыли в мягкий и влажный прибалтийский песок.

Обхватив руками свою седую голову, молча сидел старик у двух могил. Дождь косыми полосами падал на землю. Он барабанил по согнутой спине старика, где поселилась боль, оставленная немецким ножом.

Неожиданно тучи расступились, и выбежало яркое солнце, воздух стал терпким и влажным. Старик смотрел на начавшие расцветать цветы на могилах, на молодую берёзку, грустно склонившую свою зелёную кудрявую крону.

Зонтик забыто лежал на скамейке, да он и не был нужен старику.

Мария Образцова

Мария Образцова родилась в Горном Алтае, в с. Манжерок в 1956 г. Окончила Горно-Алтайский институт, филологическое отделение. Рабочую деятельность начала на мебельной фабрике.

Основные направления в литературе: поэзия, проза, публицистика. Печаталась в альманахе «Алтай», в газетах: «Литературная Россия», «Звезда Алтая» и др. Создала манжерокскую газету «Минутка», и газету «КиТ (культура и туризм) на Алтае».

Авторские сборники : «Бабье лето», 1999 г; «Манжерок – моя обитель», 2011 г;

Сборники: «Среди однотипных коралловых будней», 2015 г; «Дороги солнечная нить», 2018 г; «Мы приходим на землю», 2019 г.

Является членом майминского литературного объединения «Лира».

Член Союза писателей России с 2002 г.

Памяти Солдата

Филимонов Григорий Федорович, последний солдат Великой Отечественной Войны в Манжероке. Умер 30 декабря 2015 года.

*Отобьют куранты Новый Год,
Он придёт, как многие другие.
Только уж не встанет в строй Солдат,
Что спасал от нечисти Россию.
Он земли своей простой Солдат,
Ведавший о мужестве и чести.
Не просил заслуженных наград,
Жил в труде, с народом своим вместе.
Он любил рассветы над селом,
Сено ставил и дрова готовил.
Только ночью снился боя гром,
Друга крик, окоп и лужи крови.
И пронзала сердце боль потерь,
И не знал, вернётся ли обратно,
Но, как все, он верил, страшный зверь,
Будет побеждён, на поле ратном.
Он умел по-мудрому молчать,
Зная цену сказанному слову.
И горел он ровно, как свеча,
Заполняя всё земной любовью.
Выполнив с достоинством свой долг,
Перед Миром, и Заветом Жизни,
Он ушёл туда — в "Бессмертный полк",
Чтобы вечным Сыном стать Отчизны.*

Сегодня девятое мая

*Сегодня девятое мая,
И вишня так буйно цветёт.
И вновь День Победы встречаем.
Бессмертный колышется полк.*

*И нет уж той скорби на лицах,
Когда ещё ждали родных.
И кто-то сумел возвратиться,
В списках солдат рядовых.*

*Сто лет – будет мощная дата,
Но сколько придёт на парад?
Прошу, не забудьте солдата,
Что пал без чинов и наград.*

*Не будем искать мы ответа,
Кто праведней был среди нас.
Он просто закрыл пол планеты,
Чтоб жили достойно сейчас.*

*И будут стоятobelisks,
И в небе салюты греметь.
И будут светлы наши лица
— В тот день победили мы смерть*

Ангелина

К 70-летию Победы

После бессонной ночи, от мучительного не прекращающегося кашля и от глубокой муки за плакавшего Сашеньку, которого не было сил взять на руки, Ангелина заснула, будто провалившись в глубокую чёрную яму. Сон был тяжёлым, но где-то в подсознании ещё жил другой светлый мир, пытаясь выйти наружу, заслонив её от ужасов, выпавших на её долю. Ей виделся яркий свет летнего дня, и низко упавшее густо голубое небо. Длинная прямая дорога укрытая лёгкой серой пылью, казалось, упирается в высокую золотистую гору. На вершине стоит человек – высокий и прямой, он смотрит вдаль. Сердце её замирает, а потом с мощной силой ударяет в грудную клетку, и она кричит, протянув руки, но не слышит своего голоса. Это её отец – Григорий Гуркин, он не оборачивается к ней. Она понимает, что он не слышит её, а потом вспоминает, что его уже нет на этой земле. Она выходит из забытья, и удушливый комок подступает к горлу:

— Ада, — шепчут её запекшиеся, бескровные губы.

Над ней склоняется Миша – её первенец. На плечах двенадцатилетнего мальчика, лежит вся забота о ней, о двух сестрёнках, о братике, которому три года, и о самом маленьком шестимесячном – рождение которого унесло её здоровье. Сквозь прикрытые веки она видит, как тревожно он вглядывается в её лицо.

— Мама, поешь супец из моркови и капусты, а то Сашеньку надо покормить, — говорит он полушёпотом.

Она открывает глаза, слабыми руками сжимает железную сетку кровати, она не хочет показать сыну свою слабость, но помимо её воли из глаза вытекает слеза и ползёт по щеке.

— Мама, не плачь, — он гладит её руку, её голову, потом присев, начинает кормить. Она не сопротивляется.

Миша прикладывает малыша к матери, и он начинает жад-

но сосать полупустую материнскую грудь, а потом ест размячённые в воде крошки, которые приготовил старший брат.

«Господи, дай моему сыночку, вынести на своих худеньких плечах, эту неподъёмную и взрослому ношу», — думает она, и сердце снова заходится болью и тоской, а ещё страхом перед надвигающейся неизвестностью. Уже около недели, рядом с Нальчиком и в самом городе, слышны разрывы гранат, залпы орудий, пулемётные очереди и жуткий вой пролетающих бомбардировщиков. Зашедшая накануне соседка, покачав головой и положив на стол стограммовый кусочек хлеба, сказала, что скоро в городе будут немцы, и добавив: «Сердешные», — громко шмыгнула носом.

Ангелина смотрела в окно и видела небольшой клочок неба в проёме между раздвинутыми шторками, оно ей казалось бесцветным и далёким, совсем не таким, как на её родине. Потом её взгляд упал на шторку потерявшую свежесть. Она любила наводить порядок в двух светлых побелённых комнатах их небольшого, но казавшегося ей очень уютным домика. Но сейчас это совсем не трогало её больное тело. Одна только мысль досаждала ей. Взять бы всех своих пятерых детей и уехать туда в горы, где ей знакома каждая лесная тропка, каждый аржан, и всё наполнено живой силой энергии. Она, как и её отец, особенно чувствовала эту притягательную, завораживающую красоту её величественного края.

Разве думала она, босоногая алтайская девочка, одна из ряда первых получившая образование, чтобы учить детей, что окажется далеко от милых сердцу мест, одна с маленькими детьми на чужбине.

Время от времени, светлые видения приходили к ней, когда совсем дух становился немощным и минуты слабости зажимали её в тиски и только дети держали её на этой земле. Она лежала, закрыв глаза, и воссоздавая в памяти картины из недалёкого и уже такого невозвратимого прошлого.

В 1927 году отец вернулся из Монголии, где пробыл несколько лет со старшим сыном, после разгрома каракорумского движения. Как и во всей большой стране, жизнь пома-

леньку налаживалась. Он сразу взял в руки кисть, как будто и не прерывал свою работу, стал писать картины. Восстанавливал свою усадьбу в селе Аносе, и развалившееся хозяйство, делая это с особым рвением, будто наскучался по простому мужицкому труду. Ангелину направили работать учительницей в Нижний Уймон, что её радовало и несло на крыльях. Энергия молодости так и была в её открытой светлой душе. Однажды, к ним приехал из Ойрот Туры молодой светленький в круглых очках улыбочивый и слегка стеснительный инспектор народного образования. Она безоглядно и на всю жизнь влюбилась в этого парня, который по призыву партии прибыл на Алтай с просвещенческой миссией из Нижегородской губернии. Через месяц они расписались, и её Павлуша, как она звала его нежно наедине, стал создавать школу в Усть-Коксе и стал её первым директором. А когда родился первенец, он казался ей самым красивым сыночком.

Она тогда не знала, что счастье не ходит в одиночку и не может быть вечным. Приехавший в гости отец о чём-то долго разговаривал, уединившись с её мужем. Несколько дней Павел ходил задумчивым и мрачным, а потом уехал в Ойрот Туру, где прожил несколько дней, а вернувшись, сказал, что они поедут жить к нему на родину. Она тогда широко открыла свои чёрные как ночь глаза, в них стоял испуг и вопрос.

— Зачем!?

Он нежно прижал её к себе:

— У нас там хорошо. Ты не бойся ничего!

А под сердцем билась, уже готовая появиться на свет малышка.

Ангелина была воспитана в строгих правилах гор и знала, что нельзя задавать лишних вопросов.

Они обосновались в пригороде Налчика. Всё складывалось неплохо, но на сердце жила тоска. А потом, какими-то окольными путями пришло известие, что отца и брата взяли по линии НКВД и расстреляли.

В это время у ней было уже четверо детей, и муж работал один. Рвалось сердце домой, туда — в горы. Ангелина

не знала, почему должна покинуть родной дом, и только теперь осознала, что муж и отец спасали её от надвигающейся опасности. Когда выпадало немного времени, она уходила на речку Белую и сидела, прижавшись щекой к белоствольной берёзе. Давно не было мамы, она ничего не знала о своих близких, не стало отца и брата. Она тихо плакала: «Милые мои, родные, как мне тяжело без вас – ада, ене», а потом насухо вытирала глаза и шла к детям и мужу – она должна быть сильной и никто не должен видеть её боль.

Но когда в начале войны её Павлуша принес повестку, они проплакали весь вечер, уже не стесняясь перед друг другом слёз.

Без него родился пятый Сашенька, и она ничего не знает о судьбе мужа, от которого пришло только одно письмо, что он на Ленинградском фронте в роте связистов.

А теперь в город вошли немцы.

После беспрерывных бомбёжек кругом стояла мертвая тишина, которая наводила ужас.

Миша приходил домой и рассказывал, что фрицы ездят на мотоциклах, что у них огромные овчарки, и они стреляют из автоматов.

— Мишенька, ты не ходи туда, — просила Ангелина сына, — Что с тобой случится, что с нами станет, с девочками, с Юрой, с маленьким Сашей.

— Мама, я осторожно. А если я не пойду, нам есть будет нечего, — говорил он, сводя по взрослому к переносице брови, на совсем детском худеньком лице.

Два немца на пороге выросли так неожиданно, что она не успела испугаться. Дети сидели возле нее на лавке, маленький Саша спал, видно от голода всхлипывая во сне. Один был офицерского звания – как она поняла, а другой денщик, который довольно сносно говорил по-русски, коверкая некоторые слова.

— Как фамилия?

Она собралась с силами, чтобы не выдать своего страха, что начал сковывать её тело.

— Штерн.

— А где муж?

— На фронте, — она это сказала уже спокойно, и прикрыла глаза.

«Если нас начнут стрелять, то всех бы сразу и Сашеньку, чтобы никто не мучился», — подумала она отрешённо, будто не о себе и своих детях.

Немцы, о чём-то между собой разговаривая, развернувшись, вышли из дома.

Она не думала, что так бывает, но, видно, что-то повернулось в душе этих солдат. Может, картина, представшая перед их взором, была настолько ужасна. Может, они в этот момент вспомнили своих родных. Ей было непонятно, что произошло, но только, каждый день в течение года, пока немцы были в Нальчике, денщик приносил в обед какую-нибудь еду. Это спасло её и детишек от неминуемой гибели. Миша ел мало, пытаясь, положить побольше больной маме и маленькому Сашеньке.

— Сыночка, тебе нужны силы, чтобы хозяйничать, а я лежу, — уговаривала она его, уменьшая свою порцию.

— Мама, ты кушай, и встанешь на ноги. И мы поедем на твою родину. И пойдем в твою тайгу. Помнишь, ты рассказывала, какие там весёлые речки, а горы упираются в небо, а ещё там целебные родники, которые поднимут тебя на ноги.

Она гладила его по голове.

— Какой ты у меня сильный и добрый. Вот вернётся наш папа, и мы уедем, туда, на нашу родину, все вместе. Мы будем самой счастливой семьёй.

Величие духа, помогает человеку сохранить в себе и великие человеческие качества: любовь, надежду, веру. Человеческое мужество – это не физическая сила, это чистый свет души, который помог большому народу отстоять свою Землю, став единой великой силой.

В 44-ом году Павел был комиссован с ранением, а в сорок пятом он вывез всю свою семью на Алтай.

Серикжан Толегенов

Родился в с. Кокоря Кош-Агачского р-на в 1963 г.

В 1980 г. окончил Онгудайскую среднюю школу, Служил в армии. Женат, есть дочь, внучка.

Жил в Чите, Омске, где впервые опубликовали в газете «Молодой сибиряк».

С 1989 г. вернулся на Родину, сейчас живёт в Горно-Алтайске, занимается общественной деятельностью.

Публиковался во всех местных газетах, альманахах. Выпустил два сборника: «От своей и до своей земли» 2013 г., «Алтай земля моя былинная» 2018 г. Готовится к изданию сборник «В Кош-Агаче Советскою улицей» и «В сизой дымке марева тумана».

Член Союза журналистов России.

Мир ошетинился

Казалось, нерушимым
был Союз,
Ведь не грозил ни немец,
ни француз,
Но мы не ведали,
что есть такая «тля»,
«Точившая» державу из Кремля!
На чью же мы
рассчитывали милость,
Когда страна,
как лодка развалилась?
Мы ждали перемен,
подняв забрало,
И что в итоге
с нами стало?!
Лукавое, шальное
было время,
Повсюду множилось
разнузданное племя.
Сполна хлебнули
братские народы
От неожиданно
свалившейся свободы.
Пылал восставший
уж в который раз
Из века в век
терзаемый Кавказ!

Чечня,
редчайший образец,
Величья духа
непокорного венец!
А мы, безропотны
и немы,
Смиранные заложники
системы,
Живём, презренные,
как «быдло»
Хоть всё давно
уже «обрыдло»!
Ужель опять
хитросплетенья Рима,
И к нам Иуду
с ликом Херувима,
В происках
ничтожного коварства,
Прислали на пожизненное
царство?
Но если так,
то чьи же мы холопы?
И почему свирепствует
Европа?
Мир ошетинился
и вновь на волоске!
Кто держит
голову в песке,
Кто молится
и ставит свечи,

А кто-то глотку рвёт,
как молнии мечет.
Возможно, им
мерещится фантом
Имперского величия,
а что потом?
Неужто, вновь
без церемонии
Штыком сгонять
свои колонии?
Им это нипочём,
хоть время вспять,
Дай волю и
готовы всех распять,
Крестясь пред образом
распятого Христа,
А впереди
сплошная пустота.
Опять войска
к оружию врастают,
С оглядкой на
могущество Китая,
Блаженствует
правитель наш,
Какая же
немыслимая блажь!
Внушают нам,
что к нам стремится
Заклятый враг
на западной границе,

И президент идёт
на новый срок,
С надеждой озираясь
на восток.
Под старый клич:
«Москва за нами!»
Не перед теми
расчехлили знамя,
Какое НАТО?!
Какая Украина?!
Когда наш враг
давно нам дышит в спину!
И набирая мощь
у нас под боком,
Грозит нам всем
экспансия с востока,
И день, и ночь составы
с нашим лесом
Десятки лет
уходят к Поднебесной.
Пора! Пора мой брат,
сосед, иль друг,
Пора нам всем,
без страха посмотреть вокруг,
И лишь тогда
в надрыве жил, в пульсации вен,
Мы все поднимемся
с колен!

На той проклятой войне!

1.

*Громыхала война от Буга и Днестра,
От пожарищ и зноя раскалялась земля,
Казалось, что в небе было мессерам тесно,
И колосок к колоску прижимался в полях.
Сорок первый зловещий, то чёрное лето!
Смерть витала повсюду и глядела из дул,
И, казалось, что это настал конец света,
И накрыл нашу землю под раскатистый гул.*

Припев

*Нам нельзя забывать о том, что было,
Когда жизнь была у войны в западне,
И когда от ужаса кровь в жилах стыла,
На той проклятой войне!*

2.

*Прорывались отряды из сущего ада,
И тянулся людской бесконечный поток,
Надвигались лавиной вражьи армады-
Продвигался Вермахт на советский восток.
Бились насмерть и всё же войска отступали,
Фронт уже грохотал у самой Невы,
Наши воины стали подобием стали,
Когда встали у стен златоглавой Москвы!*

3.

*И наши народы духом воспрянув,
Ни на суше, ни в небе не давали покоя врагу!
На всех широтах, пучинах морей-океанов,
Повсеместно громили его на любом берегу!
Поднималась Сибирь, шли на запад составы,
На столбах репродуктор гремел, как набат,
Кто же мог выбирать, и кто имел это право
Умереть или жить, и избежать боль утрат?!*

*Нам нельзя забывать о том, что было,
Когда жизнь была у войны в западне,
И когда от ужаса кровь в жилах стыла,
На той проклятой войне!*

Ленинград

1.

*Те блокадные лютые зимы
Не забудут, кто выжить смог,
То, как люди молились незримо,
После воя воздушных тревог.
Не понять, как они выживали,
Как тушили на крышах фугасы,
Как детишки в снег зарывались
От «бубновых» фашистских асов.*

Припев

*Ленинград, Ленинград, Ленинград!
В чёрной ковке дворцовых оград,
Средь пылающих царских палат,
Там где жизнь превратилась в ад,
Выживал, как мог Ленинград!*

2.

*Город самых печальных судеб
Умирал, не сдаваясь врагу,
И повсюду замёрзшие люди
Словно брёвна валялись в снегу.
Артобстрелы, разрывы снарядов,
В багровом зареве плавилось небо,
В скорбной очереди блокады,
Казалось, мёртвые ждали хлеба.*

Припев

3.

Как замёрзшую ржавую пайку,
Ту, что трудно и хлебом назвать,
От себя же самой утайкой
Для детишек прятала мать.
Голод — страшная, жуткая мука,
Когда тебя пожирает смерть,
И немыслимая наука
Выжить, если готов умереть.

протоиерей Георгий Балакин

Родился 15 июля 1969 года в с. Горбуново Усть-Коксинского района Горноалтайской автономной области.

В 1986 году, по окончании Старобелокурихинской средней школы, поступил на историческое отделение историко-филологического факультета Горно-Алтайского Государственного педагогического института, который окончил в 1992 году.

По окончании института был рукоположен в сан священника. Служил в Преображенской церкви г. Горно-Алтайска.

С 1999 – настоятель церкви Святого Духа с. Майма.

За годы священослужения был отмечен многими церковными и общественными наградами, в том числе – орденом преподобного Серафима Саровского 3 степени, а также Почетной грамотой Общественной Палаты Российской Федерации, Благодарственными письмами правительства Республики Алтай и Госсобрания Эл Курултай Республики Алтай.

Повесть «Из савлов в павлы» ранее была опубликована на персональной страницы автора на сайте «Проза.ру» <https://www.proza.ru/avtor/georba>, там же размещены и другие рассказы и эссе автора.

Победители

«Сёмка! Семё-о-о-о-он! Тяаааа зовё-о-о-от!» – щуплый, но голосистый Андрейка, зовя старшего брата орал так, что в горном ущелье отзывалось эхо, а в нижнем конце деревни злобные чабанские псы просыпались и лаяли. Сёмка с друзьями играл на полянке в лапту. В свои тринадцать он ощущал себя с одной стороны совсем взрослым, потому что большая часть домашних забот была на нем, но с другой ... Хотелось и поиграть, и побаловаться. Стояли последние дни августа тридцать восьмого. Только что закончилась затяжная сенокосная страда, а уборка урожая ещё не началась, значит можно было бы и поиграть, тем более, что через несколько дней возобновится учёба в школе – а это ежедневные семь километров в одну и столько же – в другую сторону... А ещё была какая-то смутная тревога: отца вчера внезапно вызвали в «район», а оттуда он, хоть обыденкой, хоть с ночёвкой всегда возвращался ближе к вечеру, а сегодня нет даже полудня... Нехотя выйдя из игры, Семён побежал домой...

Тятя – отец мальчишек, Николай – всегда весёлый и доброжелательный мужик «цыганистого вида», работал заведующим сельпо недавно, не более года. Его туда назначили из уважения – несмотря на то, что ему было всего тридцать два, в деревне его величали по отчеству – Савельич. А уважали, потому что, во-первых, он благодаря лёгкому характеру, умел со всеми ладить, а во-вторых – считался грамотеем, т.е. научившись почти самостоятельно читать и писать – читал всё, что попадалось под руку и, при случае, охотно пересказывал прочитанное. Если же нужно было за кого-нибудь написать письмо или «деловую бумагу», то и тут он никому не отказывал: своим ровным, почти каллиграфическим почерком, писал всё, о чём просили земляки. Правда в грамматике следовал одному простому правилу: «как слышу, так и пишу». Предыдущего продавца увезли в неизвестные края в прошлом, тридцать седьмом. А теперь кто-то сообщил «куда

надо», что и Савельич занимается хищением социалистической собственности. Ему повезло, что арестовали не сразу, но, вызвав «в район» провели беседу, ночь продержали в «каталажке», а утром, предупредив, что на неделе приедет ревизия – отпустили домой. Николай понимал, что ревизия неминуемо найдёт нарушения, и тогда одной ночью в «каталажке» не отделаться, а дома оставались дети: Семён, Андрей, Варвара (7 лет), Ваня (5 лет) и двухлетний Яша. Большая семья – большие запросы. Одной картошки сажали почти гектар, и теперь эту картошку надо было копать. А ревизия могла приехать в любой день.

«Тятя!» — мальчишки забежали в дом, и Сёма, несмотря на то, что несколько минут назад хмурился от того, что не пришлось наиграться – теперь радости не скрывал.

— Ну что, соколы мои ясные! – Николай посмотрел на сыновей – нам надо с вами подвиг совершить: картошку победить!

— Тятя! Так ведь никто же ещё её не копает – попытался возразить Семён, но Николай твёрдо сказал: «Никто не копает – а мы будем копать! И как выкопаем – так в баню пойдём под красным флагом! Как победители!

... Картошку они выкопали до приезда ревизии. И в баню после копки шли под красным флагом. ... Через несколько дней приедет злополучная ревизия и, конечно же, выявит в сельпо растрату и недостачу. Просто, в то время у колхозников деньги не всегда были, а соль, сахар, махорка – требовались всегда, и поэтому Николай Савельевич по-свойски раздавал «социалистическую собственность» в долг и за это получил срок – четыре года. На свободу он выйдет только в сорок первом, когда уже будет полыхать война, и сразу же попросится на фронт. Служить будет в разведке 208 гвардейского лёгкого артиллерийского полка, 3 гвардейской артиллерийской дивизии.

13 октября 1943 года он – старший разведчик, красноармеец Балакин Николай Савельевич, в районе деревни Азаро-

во, под ружейно-пулеметным огнём противника обнаружит 105–мм батарею противника, которая будет уничтожена по его точному целеуказанию четвертой батареей полка. За этот подвиг он будет награжден медалью «За боевые заслуги».

А 1 февраля 1944 года он поступит в Смоленский эвакуационный госпиталь № 2896 по поводу множественного ранения и умрёт от ран 6 марта 1944 года. Похоронен будет на Покровском кладбище г. Смоленска в братской могиле.

....После ареста отца Семёну учиться больше не довелось. И дома требовались мужские руки, да и в колхозе кому-то надо было работать. Крепкий и работающий паренёк стал работать в колхозной кузнице, сначала молотобойцем, а временами и замещал кузнеца. Когда началась война, ему ещё не было шестнадцати. В армию был призван в 43 – опоздал под Сталинград, но попал под Курск. Точнее, даже толком не попал: их воинский эшелон разбомбили на подходе к конечной станции. Кто-то погиб под бомбежкой, кто-то остался невредим. Повезло, или не повезло Семёну – трудно сказать. Он получил множественные ранения, потерял ногу, но домой вернулся. Правда – по шею загипсованным. Мать работала на ферме, младшие – как могли, помогали старшим. А сидеть дома с хромым инвалидом было просто некому. Да и вся страна жила в великом напряжении, отдавая всё для фронта – всё для Победы. Можно представить себе, какое отчаяние рождалось в душе восемнадцатилетнего мальчишки, который ещё недавно был надёжным, трудолюбивым мужичком, потом стал несостоявшимся солдатом, а теперь – обузой для всех...

Может быть, он и не смог бы выжить, но пасечница Шура – недавно овдовевшая солдатка – предложила председателю колхоза принять раненого Семёна сторожем на пасеку. Мол, ну и пусть не ходит, но лежать-то с берданкой сможет! И если косолапый вздумает пакостить, да улыи разорять, то Семён, ещё мальчишкой увлекавшийся охотой, если не подбить, то отпугнуть зверя точно сможет... Так и стал Семен Николаевич пасечником.

То ли свежий воздух, то ли мёд с горных лугов, то ли забота и любовь таёжной пасечницы Шуры сделали своё дело: окреп раненый, сил набрался, к жизни потянулся. Сам себе смастерил протез и стал полноценным пчеловодом. И с Шурой, несмотря на то, что она была без малого на десяток лет старше – создал крепкую семью. Вскоре дочка у них появилась. А там и трое сыновей один за другим. Мало воевал Семён, да глубокий след оставила война в его жизни. Часто болел. Скончался, едва отметив полувековой юбилей.

...Почти не довелось учиться и Андрейке. Вернее, в довоенные годы успел закончить четыре класса. Учился на пятерки, а если и попадалась четвёрка – то редко изредка. Учительница говорила, что большим человеком Андрей станет, а он, как назло, ниже всех в классе был. Зато ловкий и озорной. Война началась, когда он пошёл в пятый класс, но доучится смог только до первых заморозков. А там – обувь подвела. Вернее – её полное отсутствие. А тут ещё все взрослые мужики ушли на фронт, а за ними стали уходить и подрастающие мальчишки. Так с 12 лет стал Андрей Николаевич работать в колхозе. А когда старший брат ушёл на фронт – то и за старшего мужчину в семье остался: и в колхозе работал, и о доме заботился. На войну опоздал. Последними призывались те, кто родился в 1927, а Андрей Николаевич появился на свет в 1928 году. Поэтому он и его ровесники в армию были призваны первым послевоенным призывом — в 1948 году. Несмотря на малый рост и «воробыиный» вес попал служить в Воздушно-десантные войска. Своим сыновьям и внукам он будет увлечённо рассказывать про самолёты и прыжки с парашютом, про армейских друзей, про труд в годы войны и довоенную жизнь.

Но с особенной теплотой и грустью он будет часто вспоминать, как когда-то три мужика – тридцати двух, тринадцати и десяти лет – гордо и с честью, усталые и довольные после копки картошки, шли в баню, как на парад, неся какое-то подобие флага, как стяг победы. И это воспоминание будет всегда живым и ярким, ведь таким он и запомнил своего вечно молодого отца в их последнюю встречу...

На поминках Ветерана...

В начале лета 2013 года хоронили ветерана войны и труда...

Лет восемь назад в церковь стали ходить его сын и сноха. Причем не просто ходить, но как-то они быстро стали «своими» на приходе, поэтому и на похороны ветерана – раба Божьего Петра — собрались не столько родня и ровесники, сколько те, кто его при жизни даже не видели, но молились вместе с его детьми.

... Пётр умер по-христиански. За день до смерти причастился, за месяц – соборовался. А крестился – всего лишь года за три. Веровал ли раньше – трудно сказать. В церковь не ходил, но о Боге всегда вспоминал с благоговением. Правда, иногда мог позволить себе иронизировать по поводу вспыхнувшей веры сына. Например, как-то, еще, будучи не крещёным и относительно здоровым, вспомнил войну, на которую попал совсем молодым и неверующим. Зато служили с ним и те, кто были гораздо старше и веру в Бога не скрывали. И тогда его поразило то, что именно эти «старики» перед боем молились, крестились, некоторые даже целовали спрятанные иконки, а потом строго запрещали «сынкам» лезть вперед их в бой. Помолятся, выскочат первыми из окопов, пробегут пару шагов, а тут – вражеская пуля. Или снаряд. Или мина. И всё! Вроде бы молился солдат, а погиб. Зато потом, когда «сынки» неверующие выскакивают из окопов – то им достается не такой уж плотный огонь. Вот, и получалось: один молился ... и погиб. А другой не молился, но бой пережил, и до Победы дожил, и мирно пожил, и детей нажил, и внуков понянчил...

«Как так?» – иронизировал ветеран Пётр над верой своего сына – «Где же был Бог, ведь Ему же «старики» на фронте молились и там же полегли??? А мы не молились и живы...»

...А сын вспомнил тот разговор после того, как отца, год

не дожившего до девяностолетия похоронили после мирной, христианской кончины... После того, как бывший солдат и мирный труженик, тяжело заболев, пожелал принять Святое Крещение, и потом, не имея возможности прийти в храм – радовался, когда к нему домой приходил священник, исповедовался, насколько позволяло угасающее сознание и причащался. И в гробу лежал тихий, умиротворённый...

Ещё интересно, что в последний год жизни, когда его сознание угасало и он «впадал в детство» его посещали видения. Иногда – умершие родственники, иногда – коллеги по работе, люди, с которыми познакомился много лет назад. Но чаще всего это были те воины, сослуживцы, которые погибли там, на полях сражений Великой Отечественной... Может быть, даже те «старики», что сугубо молились перед своим последним боем. Но молились не за себя, а за тех безусых мальчишек, которые ещё не видели жизни и не знали Бога. И в итоге их молитва приносила свои плоды...

Татьяна Чанчибаева

Чанчибаева Татьяна Павловна, родилась в с. Урлу-Аспак в 1970 г. в многодетной семье. Выпускница «Урлу-Аспакской восьмилетней о/о школы», Горно-Алтайского педучилища, ГАГУ. Работаю в родном селе учителем русского языка и литературы 30 лет. Учитель высшей категории. Замужем.

Личные сборники: «Кто живёт в горах Алтая», для детей, 2003 г.;

«Милым ребяткам стихи и загадки», для детей, 2009 г.;

«Я просто женщина земная», лирика, 2017 г.

Сборники современной прозы и поэзии России «Звёздный дождь» (2017 г.), сборник Российского союза писателей (2017 г., 2019 г.), «Поэт года» в России (2011, 2012, 2014, 2018 г.г.), «Наследие» 2017, 2019 г.г., сборник произведений номинантов литературной премии имени Сергея Есенина «Русь моя», Москва, 2018 г.; литературный журнал «Великолепная десятка» (издательство «Новый Современник», 2017 г.); литературный журнал «Фестиваль», (МСП, издательство «Новый Современник», январь 2019 г., февраль 2019 г.).

Сборники: «Дороги солнечная нить», 2018 г; «Мы приходим на Землю», 2019 г.

Член Международного Союза писателей «Новый Современник» и Российского Союза писателей.

Паренёк с Алтая

Деду Ивану Михайловичу Чанчибаеву, ветерану Великой Отечественной войны, посвящается.

*Я помню, как стояли мы в строю,
И паренька, который был с Алтая.
И, несмотря на молодость свою,
Он был суров, а голова седая...
Лицо заиндевело от потерь,
Но мужество его не оскудело.
Прифронтового госпиталя дверь
Он закрывал до срока то и дело.
Шагал он рядом в разных кирзачах
И пайкой хлеба надвое делился,
Солдатскую судьбину на плечах
Достойно нёс и за Россию бился.
Я благодарен тыщу раз судьбе
За то, что был тот паренёк с Алтая,
Который меня вынес на себе,
Из лютой пасти смерти вырывая...
Я помню, как стояли мы в строю,
И паренька, который был с Алтая.
Не раз он выручал меня в бою,
Покрепче автомат в руках сжимая.*

Война ещё не отгремела

*Война ещё не отгремела.
Со временем текущих дат
Она жива и то и дело
В сердцах собравшихся солдат.*

*Грохочут танки, бой идёт,
Строчит как прежде пулемет.
Вот кто-то ранен. Медсестра
Над ним хлопочет до утра.*

*Комбат кричит: «Давай, браток,
До высоты еще чуток,
Давай за Родину, вперёд!»
И грудью на немецкий дзот...*

*Нет, сколько б ни минуло лет
Войны не остывает след.
В душе защитника — солдата,
Что землю отстоял когда-то.*

Когда блокадное кольцо...

*Когда блокадное кольцо
Давило горло Ленинграда,
Мы были на одно лицо,
И пахла голодом осада.
В обледенелые дома
Смерть над руинами летела.
И там, у хлебного окна,
Всё больше очередь редела...
Здесь не встречали Новый год,
Не улыбались, не рыдали...
И шли, как тени, на завод:
Снаряды фронту посылали.
И выжил, выстоял народ!
Не дал себя сломить фашистам!
Кто верит, тех Победа ждёт
И жизнь, под небом синим, чистым.*

Бессмертный полк...

*По улицам прошёл Бессмертный полк
Парадом шёл на площадь городскую.
И соловей на тополе умолк,
Как будто разделяя скорбь людскую.*

*На пожелтевших фото были те,
Кто не вернулся в отчий дом когда-то.
Плечом к плечу в безмолвной тесноте
Встречали май ушедшие солдаты.*

*Победный май, что каждый приближал
И не жалел для общей цели жизни,
Не трусил, с поля боя не сбежал,
Последний вздох, и тот отдал Отчизне.*

*Бессмертный полк. И каждый в нём герой!
Бессмертна ваша славная Победа!
Я с гордостью поддерживаю строй
С портретом своего родного деда!*

Июнь. Двадцать второе. Утро.

*Июнь. Двадцать второе. Утро.
Далёкий сорок первый год.
Фашистской сволочью преступной
Был перечёркнут небосвод.
Четыре года смерти, боли,
Страданий яростный поток.
Но скомкать нашей русской воли
Никто и никогда не смог!
Вписался кровью день печальный
В историю родной страны.
Почтим Минутую молчанья
Всех, не вернувшихся с войны...*

Пел солдат...

*Пел солдат в траншее тесной
О сторонущке родной.
Рядом с ним сидели вместе
И комбат, и рядовой.*

*Пел солдат, глаза блестели,
Голос чуточку дрожал.
Пули изредка свистели,
Перечёркивая даль.*

*Пел солдат, и песня эта
Бередила всем сердца,
И душа была согрета
У родимого крыльца...*

*Завтра снова бой жестокий,
Где повсюду вьётся смерть.
Пой, солдат! Дано немногим
Песню славную допеть...*

Чтобы Русь всегда была жива!

*Трудный путь до самого Берлина,
И у лютой смерти на виду,
Мы прошли, прокопченные дымом,
Чудом уцелевшие в аду...
Душу жгли обугленные нервы,
Батальон потрепан сильно был.
Рукопашный бой, уже не первый,
Страшно скалил пасти для могил...
Но, сомкнув неплотные шеренги,
Став ещё скупее на слова,
Приближали мы свой День Победы,
Чтобы Русь всегда была жива!*

Ещё звучала музыка в сердцах...

*Ещё звучала музыка в сердцах,
И радость выпускного бала пела...
Война улыбки стёрла всем с лица
И выдала солдатские шинели.
Для роста приподнявшись на носок,
Мы встали у дверей военкомата
И слушали прерывистый басок,
С обугленными нервами, комбата.
Пусть речь его тогда была скупа,
Мы и без слов всё чётко понимали,
Что смерть к чинам и возрасту слепа,...
И шли на фронт совсем не за медали.
Мы бились за поруганную синь,
За матерей и мирные рассветы.
Передний край войны свинцом косил,
И многих нет уже на этом свете..
Их молодость навеки отцвела
В прифронтовых могилах у дороги,
Чтобы Россия-матушка жила,
Военные не ведая тревоги.*

Я говорю от имени потомков...

*Я говорю от имени потомков,
На это время мне дало права.
— Нет, боль войны с годами не умолкла!
И Русь благословенная жива!
В пороховом дыму мой дед когда-то
Дошёл до Кёнигсберга, ранен был,
В атаке рукопашной честь солдата
Земли алтайской он не уронил.
Во имя правды фронтовая доля
Тогда без стука открывала дверь.
Фанерный монумент на поле боя...,
И снег горяч от крови и потерь...
Об мужество истерзанной России
Рассыпалась фашистская броня!
Я за Победу говорю: «Спасибо!»,
Склонив чело у Вечного Огня...*

До сих пор врачуем мы сердца...

*Над таёжным маленьким селом,
Что к горам алтайским тесно жалось,
Страшно голосила в каждый дом
Рельса, что в пожары применялась.
Позабыв заботы и дела,
Торопились все узнать причину.
Ворвалась в Урлу-Аспак война...
Уходили первыми мужчины.
Вмиг осиротело всё село...
Старики да женщины и дети
На полях трудились тяжело,
Для солдат вязали до рассвета.
Ждали с фронта дорогих вестей.
Похоронок тоже приходили...
Человечье горе матерей
И детей, и жён до дна испили.
И страданиям не было конца...
День Победы в мае улыбнулся!
До сих пор врачуем мы сердца
Тем, кто в сорок пятом к нам вернулся.*

Сколько жизней пламя унесло...

*Их согнали в церковь на рассвете,
В час, когда запели петухи.
Плакали и женщины, и дети,
И взывали к Богу старики.
Ко всему фашисты были глухи,
И бензином пахло всё село...
Догорала церковь среди разрухи...
Сколько жизней пламя унесло...
Сколько душ замучено невинных
Казнено на острие войны,
Городов и деревушек мирных
В лихолетье для родной страны...*

Есть в мае памятная дата...

*Есть в мае памятная дата,
Когда повержен был Рейхстаг,
И гордо наших два солдата
Над ним подняли русский флаг!
Плечом к плечу четыре года
К Победе славной люди шли,
И подвиг русского народа
Не только в книжках сберегли.
В сердцах храним мы, как святыню,
Всю радость памятного дня
И по ушедшим и поныне
Скорбим у Вечного огня.*

Я помню каждую версту...

*Я помню каждую версту,
Что на войне мной отшагалась.
Тогда мы брали высоту,
Но нам никак не удавалось.
Тут босоногий мальчуган,
Сашок, из местной деревушки:
— Я помогу, я там бывал
И знаю, где стоят их пушки.
Я знаю фрицев тайный путь,
И где поставлены растяжки.
Я покажу, где повернуть.
Тропинка там, вон в том овражке.
Мы с боем взяли высоту,
Откуда нас совсем не ждали...
А после ни одну версту
Мы с Сашкой мерили шагами.*

В войну играют ребятишки...

*В войну играют ребятишки:
Стреляют, бегают, кричат...
Наверно, прочитали в книжке,
Жаль, не берут играть девчат.
А между тем, в войну девчонки,
Сменив изящные наряды
На сапоги и гимнастёрки,
Шли в бой со всеми вместе рядом.
На истребителях летали,
Врага бомбили тут и там,
И жизни смело отдавали,
Идя бесстрашно на таран.
А скольких раненых спасли,
От тяжести, согнувшись вдвое,
Их на себе они несли,
Под артобстрелом с поля боя.
В войну играют ребятишки:
Стреляют, бегают, кричат...
Наверно, прочитали в книжке,
Жаль, не берут играть девчат.*

Письмо с фронта

Я пишу из окопа тебе, дорогая.
Тишина перед боем стоит здесь такая...,
Даже птицы, и те щебетать перестали,
От войны распроклятой и птахи устали.
Вчера шёл бой, и грохот адский
Был визгом пуль пронизан весь.
Сегодня над могилой братской
Мы постояли молча здесь...
Нешадно бьёт старуха злая,
Что называется войной,
Не глядя, жизнь ли молодая
Или пред ней солдат седой.
Но я из боя невредимым
Уж выхожу в который раз,
Твоей молитвою хранимый
И нежностью зелёных глаз.
Пиши мне, если можешь, чаще,
Как вы живёте там одни.
Я знаю: вам ничуть не слаще,
Видна повсюду боль войны.
Но скоро ей конец настанет!
Не все вернёмся мы домой...
И помнить будем, кто не встанет
Уж из могилы фронтовой...

Столько Славы боевой!..

*Наступает День Победы,
Дед собрался на парад.
Позади лихие беды,
Китель полон весь наград.
Бравым был, лихим солдатом,
Выполнял приказ любой.
А теперь по всем наградам
Нежно он провёл рукой...
Помнит всё: как трудно было,
Но ведь был он молодой,
А теперь уж не осилить
Столько Славы боевой...
Дед в комод убрал награды –
Китель сразу полегчал –
Счастлив был он на параде,
Что в кругу однополчан.*

Ольга Ельдекова (Ўстомина)

Родилась в 1957 г. в г. Балхаш, Карагандинской области.

Окончила Томский геологоразведочный техникум и Горно-Алтайский государственный университет, факультет филологии.

Работала техником-геофизиком, главным хранителем фонда Музея камня, экскурсоводом; заведующая библиотекой.

Автор и составитель сборников: «Параллельные миры», «Повозочка», «Пусть откроется жизни страница», «От февраля до сентября», «Майма литературная», «Среди однотипных коралловых будней», «Мир без войны», «Дороги солнечная нить», «Мы приходим на Землю» и др.

Член Петровской Академии наук и искусств, Международного Союза писателей «Новый современник»

(Посвящается моему деду, Истомину Тарасу Александровичу, погибшему в боях под Ленинградом в феврале 1944 г).

*Брезжило небо рассветами ало.
Воздух с утра – раскалённое жало.
За руку с сыном шагает мой дед,
Деду всего-то ещё сорок лет.*

*В ручке у сына игрушка-флажок.
Следом за ними – собачка Пушок.
Их подгоняет полуденный зной.
Трое спешат поскорее домой.*

*Дом – это крепость, защита, стена,
Дома у деда Авдотья – жена,
Лапочки –дочки, тепло и уют,
Куры в курятнике песни поют.*

*Двери открыл, а в дому – тишина...
Дети примолкли, застыла жена...
В ясных глазах её дума черна,
Руки как плети обвили – Война!!!*

Сборы недолги. Не дремлют враги.
—Только не плачь и детей сбереги!
Словно споткнулся и голос пропал...
В сторону запада дед зашагал...

Ждали – вернётся! Затихнет война!
Но за весной проходила весна...
Пусть и безрукого, пусть и хромого,
Ждали — родного, только б живого!

Лет пятьдесят его ждали домой.
Без вести сгинул, как смыло волной.
Лишь треугольник, память храня:
«Ранен, вернись, поджидайте меня!».

Босым по городу лето бежало.
Только вчера я случайно узнала,
Через далёких семьдесят лет —
Под Ленинградом сражался мой дед.

Мир от войны до сих пор сторожит,
В братской могиле дед мой лежит...

Тополя

Отгремела война, смерть, насытившись кровью,
Уплелась восвояси, оставив страну.
Долго-долго еще будут помнить земляне
Это страшное время. Будут помнить войну.
Эта память навечно – не забыть, не вернуть.
Это может не сниться, если вечно заснуть.
Жизнь опять на пороге держит солнце в руках,
И качается небо в облаках, в облаках.
Люди снова в работе — все спасение в ней.
Вдоль дорог посадили ряд юнцов-тополей.
Потихоньку пшеницей наливались поля
И росли наши дети, и росли тополя.
Время лечит все раны – это вовсе не новь.
О войне пели люди, а теперь про любовь.
И растаял кровавый снег военных полей,
От семян чуть шершавый снег летит с тополей.

Оксана Хлопотова

Я, Хлопотова (Кузина) Оксана Александровна 1971года выпуска, в юности печаталась под фамилией Малышева. Родилась в заповеднике, выросла непуганой и счастливой в п. Многоозерном, (Боровлянский государственный заказник) Алтайского края. Я — сто процентная женщина, конечно не совершенство, но шедевр ещё тот, эмоциональна и крайне чувствительна.

С 2014 г. член Петровской академии наук и искусств России. Финалист Фестиваля «Поэзия Улиц в Санкт-Петербурге 2015 г. Финалист национальной, литературной премии «Поэт года 2015».

Люблю жизнь во всех её проявлениях. Замужем. Счастлива.

Я слишком мало знаю о войне

*Я слишком мало знаю о войне.
Когда-то в раннем детстве у окошка
Мой дед, носивший фляжку на ремне,
Мне про войну рассказывал немножко.
Я помню запах дедова плеча
И терпкий вкус дымившей самокрутки,
Бывалый вид сапог из кирзача,
Да дед а незатейливые шутки.
И синим — вены на большой руке,
Что нас спасала в яростной атаке,
Четыре долгих года в кулаке,
Готовая к большой кровавой драке.
Рассказ о том, как в танке он горел,
И пересохшим ртом кровавых трещин
Не замечал, огонь внутри кипел,
За дом и кров, что предками завещан.
За плачь и стон, стоявший на земле,
Поруганной и взрытой сапогами,
За города, что в пепле и золе,
Лежали между западом и нами.
И шёл мой дед, стирая сапоги,
И тысячи сапог стирая ноги,
Купались в потом политой пыли
Бескрайнего отечества дороги.*

Деду Зяблицкому Ивану Дмитриевичу

*Мой дед-Победитель, как весь народ,
Что в годы лихие выжил
и вышел к Победе сквозь кровь и пот.
С великим трудом, но вышел,
вернее выехал на своей полуторке боевой,
оставив пятьсот вороных коней
под взорванною бронёй.
Мой дед был танкистом и брал Рейхстаг,
Второй Белорусский фронт.
Когда над Берлином взметнулся флаг,
И лёг под Берлином взвод...
За каждой победой – стоит беда,
Но радость всегда сильнее.
Весна сорок пятого, та весна
Она стоит жизни всей.
А дед на полуторку пересел,
и снова вернулся в бой.
Потом в его жизни был Кенигсберг,
И долгий был путь домой.
Пусть нет уже деда десяток лет,
Маем грохочет небо.
Парад — Победы с тех пор гремит
И в честь моего деда!*

Дмитрий Степанович и Иван Дмитриевич Зяблицкие

Иван

Мужчиной в армию ушел
в тридцать девятом,
Писал жене, не ошибаясь адресатом.
Винтовка, вросшая в плечо, кирза, портянка
И дружба, крепче, чем сама броня у танка.
Любил жену и много знал походных песен,
а мир казался светел, прост и интересен,
такой, каким бывает он
лишь только в двадцать.
Ивану не было причин не улыбаться!
Ещё чуть-чуть и будет дембель,
будет встреча,
Жена красавица обнимет нежно плечи,
Но вдруг, как обухом – ВОЙНА, передовая,
Земля в огне и кухня полевая.
Как страшный сон —
земля в дыбы вставала,
а армия позиции сдавала.
Их бросили на самый край и самых первых,
Туда, откуда не вернулись бы наверно,
Судьба распорядилась по-другому,
Он сел на танк, танкистом стал, и к слову,
— Крушил врага, безжалостно и рьяно.
Их в экипаже было два Ивана.

Горели избы в деревнях, земля горела,
Не раз костлявая с косой в глаза глядела,
И ей Иван смотрел в глаза —
горел он дважды,
Но выжил, победила жизни жажда.
Верхом на танковой броне,
прошёл полмира.
Он нёс как флаг —
любовь к жене и честь мундира.

Дмитрий

После тяжелого дня, после работы шальной,
Тихо сигарку смоля, он возвращался домой,
Дома девчонки одни, бабий такой батальон,
Знал, что в родное село скоро придёт почтальон.

Чуть на порог он шагнул,
в доме как будто пустом,
Почту уже принесли,
мысль промелькнула хлыстом.
Видя заплаканных баб: «Что это вы, не пойму?»
«Ванька, наш Ванька сгорел!» —
кинулись бабы к нему.

Черные тени легли, губы сомкнулись сильней,
Ванька был старший в семье из четырёх сыновей.

И затянули задумчиво: «Завтра в поход...»
Тут он по голосу сына-Ивана узнал,
Мир сразу яркими красками вмиг заиграл!
К слову, был вечер, вовсю догорала заря.
Мать за Ивана, наверно, молилась не зря!
Завтра опять будет бой,
будет смрад, будет дым.
Кто-то уснет навсегда, вечным сном, молодым...
Встретился с сыном нечаянно, словно во сне,
Завтра к Победе и той долгожданной весне!

Лагерь. Дмитрий.

С лёгкой душой, налегке
Дмитрий на запад шагал,
Где-то на Одре, в бою,
пулю свою схлопотал,
Только очнулся в плену —
лагерь, колючка, барак,
А по периметру —
смерть, лай разъярённых собак.

В лагере встретили смерть
сотни детей, стариков,
Жгли в крематорских печах
и молодых мужиков,

Газом травили людей, как одичавших собак,
Злые фашистские псы,
мир превратившие в мрак.

Дмитрий погиб, но поля,
что удобрялись золой,
Напоминали о нём,
каждой цветущей весной.

P.S.

И вместо похоронки, что геройски...
Сухая строчка, — без вести пропал...
Лишь сын ничком к земле родной припал,
Раскинул руки, будто обнимал...

Александр Дугарев

Родился в 1961 г. в Бийске. Осмысленно писать начал лет в 15. В армии перешёл на сочинение песен. После армии вернулся в родной город, участвовал в Литобъединении, печатался в газете «Бийский рабочий».

Окончил в 1980 г. Бийский химико-механический техникум, слесарь КИПиА;

В 2012 г. — Алтайский государственный университет им. И.И. Ползунова, инженер по эксплуатации автотранспорта.

В 1988г. переехал в Майму. Участвовал в конкурсах авторских песен Майминского района, неоднократно побеждал в фестивалях авторской песни «Катунь».

Победитель конкурса авторской песни «Звенигора» Змеиногорского района.

1,5 года руководил клубом авторской песни Майминского района.

Люди, Бог вам судья!

*От усталой луны откололся осколок,
День прошедшей войны неоправданно долог.
Здесь за свистами пуль не слышны голоса,
А от рева ракет замирают сердца.*

*Люди! Бог вам судья, повелители судеб,
Но какая свинья разбираться в том будет?
Будешь жить или нет – здесь решает другой,
Для кого твой совет изогнулся дугой.*

*На горячих местах редко слышится смех.
Умирать на глазах не считается грех.
Вот бы взять и сложить души павших друзей,
Не сумевших дожить, не попавших в музей.*

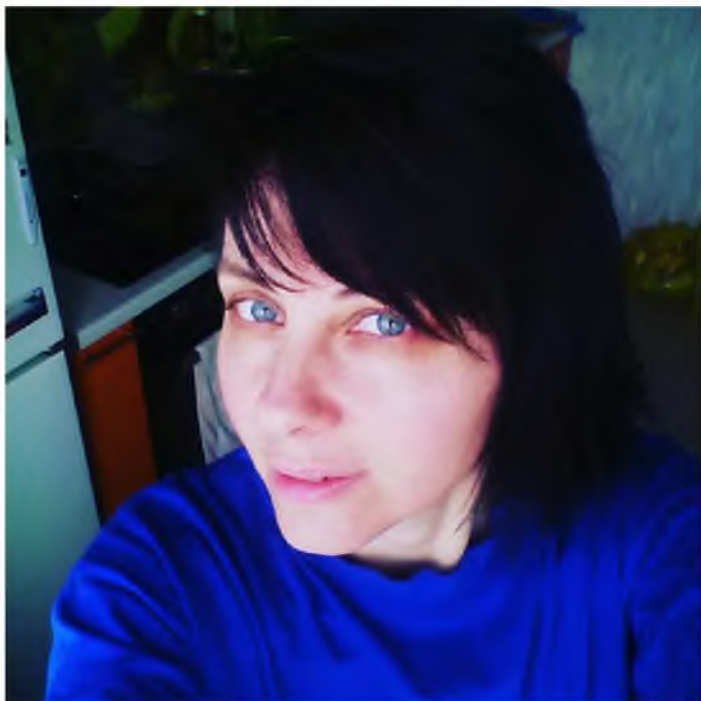
Марш ветеранов

*Склоните знамена
Пред памятью павших
В те грозные годы минувшей войны.
А ну, ветераны, наденьте погоны!
Ведь Вы, как и прежде, присяге верны.*

Припев: *Ветераны, ветераны!
Только снится вам покой,
Ветераны, ветераны Второй мировой.*

*Пусть помнятся вам раскаты глухие,
Предсмертные стоны близких друзей,
Пробитые пулями каски стальные,
Победные залпы родных батарей.*

*Теряли вы жизни во имя Победы,
И тратили силы во имя Любви.
И пусть ордена, что на китель надеты,
Горят как в ночи путевая звезда.*

Оксана Холманская

Биография: родилась в 1971 г. в г. Алейск, Алтайского края.

Закончила Майминскую среднюю школу, Горно-Алтайское медицинское училище по специальности фельдшер, Горно-Алтайский государственный университет по специальности психолог.

Работы были разные по основным специальностям.

Никто не учил писать стихи. Учила жизнь и тишина ночей. А ещё... поэтами рождаются...

Как писать о войне?
Я на ней не была...
Я не видела адских взрывов.
Уходящую жизнь задержать не могла,
Не могла всех прикрыть, обескрылев.
Как писать о войне?
Я на ней не была...
Но я чувствую запах тех взрывов.
Ощущаю в руках,
Краткость жизни любя,
Что беспомощность машет
Отсутствием крыльев.

Мария Нахорукова

Живёт в посёлке Самусь Томской области.

Более 35 лет проработала учителем в школе. Была учителем географии, педагогом-психологом, заместителем директора лицея по учебно-воспитательной работе. Занимается индивидуально с детьми-инвалидами V111 вида.

Печатается в местных газетах, одна из авторов сборников: «Пока душа во мне живёт», «Среди однотипных коралловых будней», «Дороги солнечная нить», «Мы приходим на Землю».

Увлекается фотографией, участвует в фотоконкурсах.

Любила и любит свою профессию и вообще жизнь!

Член Петровской академии наук и искусств.

Мы — дети рождения послевоенного

*Дети рождения послевоенного,
Нам ли не знать о боях под Москвой?
Нам ли не помнить тоску отступления,
Гром от салюта победной весной?*

*Помним мы боль от ранений товарищей
Наших отцов в той жестокой войне,
Радость от счастья Великой Победы,
Что прокатилась весной по стране.*

*Всё это нам перешло от рождения
С кровью, геномом и ДНК.
Наши отцы посвящали Победу нам,
Детям своим, не рождённым пока.*

А память нам покоя не даёт...

*«Пока не будет предан земле
последний погибший солдат
— война не окончена!»*

А. В. Суворов

Ничего случайного в этом мире не бывает. Мне повезло встретиться с интересным человеком. Я слушала и восхищалась его энергией, увлечённостью своим делом в первую нашу встречу.

Прошло более десяти лет. Как он себя чувствует, чем занимается? Ведь ему в феврале нынешнего года (на минуточку!) исполнилось 77 лет. С волнением звоню. И, о, чудо! слышу, как и прежде, его бодрый голос. Договариваемся о встрече. Вернее, об экскурсии в музей поискового отряда «Прометей», бессменным создателем и организатором которого является мой герой — майор Харченко Иван Григорьевич. Это человек такой интереснейшей легендарной судьбы, что о нём можно легенды слагать. Но я хочу рассказать о деле, так необходимом сегодня, которое он честно с полной отдачей выполняет последние несколько десятков лет.

У его родителей было одиннадцать детей, Иван — девятый в семье. С одиннадцати лет начал работать в колхозе самостоятельно. По окончании семи классов отец сказал: «Хватит учиться, иди работать в колхоз. Средств на учёбу в семье нет». Но когда деревенские ребята предложили ему ехать с ними на учёбу в Томск, отец всё-таки согласился, а юный Иван обрадовался. Хотелось учиться! С какими перипетиями шёл он к сегодняшнему положению через горнопромышленное, лётное училище, армейскую службу в ракетных войсках на Дальнем Востоке, офицерское звание, получение дозы радиации при взрыве ракеты, и комиссование по состоянию здоровья, а на гражданке лечение народными средствами.

С семьдесят пятого года по направлению пошёл работать в училище, куда пристраивали подростков-неудачников из школ города и области. Думал, что педагогикой год-два занимается, а получилось — и по сей день.

Вспомнив «Тимура и его команду», Иван Григорьевич решил увлечь ребят интересным делом в этом направлении. Участники войны, труженики тыла встречали ребят с благодарностью, воодушевлением. Через десять лет был организован и утверждён отряд «Прометей» с Уставом, первый пункт которого гласил: «не пить и не курить...». Вспоминает наш герой:

«Я тогда придумал уловку. Говорю: «На территории училища курить запрещено. Но если вы меня поймаете с сигаретой, я разрешу вам курить на переменах в моём кабинете истории. Но больше нигде. Но пока не поймали – чур, не курить».

Иван Григорьевич тогда, закончив вечернее отделение исторического факультета ТГУ, уже историю преподавал. Много позже получил второе высшее на факультете международных отношений.

Посещая ветеранов, ребята записывали их воспоминания. Но время идёт. Участники Великой Отечественной уходили и уходят из жизни. Записанные их воспоминания на аудионосители — бесценные свидетельства прошедшей войны.

Иван Григорьевич организовал при отряде фото-кружок, игру на гитаре. К 40-летию Победы создали музей, где разместили воспоминания фронтовиков, их фотографии. Но для настоящего музея не было экспонатов военного времени. Появилась идея: искать и добывать их самим там, где была война.

Из воспоминаний Ивана Григорьевича: «... Деньги нашлись. И в 85-м все мои 32 прометеевца отправились на Западную Украину – Ровно, Львовщина, Тернопольщина... Я, как историк, очень хотел попасть в места боёв, где погиб наш разведчик, герой Советского Союза Николай Иванович Кузнецов. У немцев он работал под именем Пауль Зиберт. Очень

меня занимала его история. Приехали мы в деревеньку одну, и жители рассказали, что помнят, как у них, прямо в деревне немцы дрались с бандеровцами. Сами рассказывающие тогда ещё подростками были. «Так странно, – говорят, – было. Мирно жили и вдруг подрались. А потом пришли партизаны, стали расспрашивать, где фашисты похоронены. Ну, им бабы показали, говорят, особенно один фашист, офицер, смело дрался, много бандеровцев перебил, его отдельно похоронили. Тогда нам объяснили, что это вовсе не фашисты были, а переодетые наши». Этот «фашистский офицер» и был Николай Кузнецов. Представляете, как нашим ребятам было интересно всё это слушать?

Под Ровно с местным жителем первый раз пошли в лес. Только зашли — нашли каски, гильзы, ленты пулемётные.

Из рассказа Ивана Григорьевича: «И вдруг, бах, находим косточки какие-то. Я подумал, что это телёнок, дальше двинулся, а мужик мне: «Подожди! Куда? Давай поднимем. Это же солдат». А я и не знал, что останки солдат могут вот так лежать. «Почему не похоронен?» — спрашиваю. «Ты меня это спрашиваешь? Кто из нас поисковик? В лесу их много...»

Мы собрали эти косточки, похоронили в поселке, и меня это прямо потрясло: почему наши солдаты не похоронены?! И с этого началась новая наша стезя. Появилась мысль, что вот это и должно быть главным в поисковой работе отряда «Прометей». Не железки, а люди. Наши люди, которые за нас жизнь отдали. Надо их искать, если получится, устанавливать личность, сообщать родным, но в любом случае – хоронить. И с почестями.

Готовясь ко второй поездке, ребята учили анатомию, и «мат часть», оружие, чтобы знать, с чем встретятся во время поиска.

Вторая поездка в 1986 году состоялась под Брестом.

Рассказывает майор Харченко: «Сорок километров от Бреста, город Кобрин. Директор одного ПТУ нам предоставил общежитие и даже на питание поставил, получив на это

разрешение от начальства из Москвы.

Похоже, мы — поисковики были первыми. Наш отряд образован на пять лет раньше официального поискового движения в стране. Я хотел, чтобы мои ребята жили, прежде всего, по совести, поэтому сам заразился этим делом. И детей заразил. Сейчас у меня прошла шестидесятая вахта. За тридцать пять лет мы нашли останки пяти тысяч четыреста двадцати пяти солдат и офицеров Красной Армии. Именно так она называлась тогда. «Советская Армия» появилась только в сорок шестом.

Из ПТУ, позже преобразованного в радио-механический лицей, Иван Григорьевич, по независимым от него причинам, перешёл работать в автодорожный техникум, где создавал музей с нуля.

В августе 2005-го Иван Григорьевич перешёл работать в Томский Кадетский Корпус, на базе которого был создан Патриотический центр.

Из воспоминаний руководителя поискового отряда И.Г. Харченко:

«В августе 2005-го, выезжая в очередную экспедицию, одной из задач у нас было – собрать экспонаты для музея Кадетского Корпуса.

Первая поездка с кадетами была в Великий Новгород. Почему туда? Пожилой мужчина, пассажир поезда, в котором мы ехали, нам посоветовал: «Езжайте под Новгород, под Ленинград. Там костями леса усыпаны...» Вот так и появился этот маршрут. И ещё там воевала наша томская 366 дивизия. Рядом, в Старорусском районе, позже – 370 стрелковая дивизия, сформированная в Асино.

Лазим в Мясном Бору. Ужасная местность, сплошные болота, но там, действительно, очень много всего от войны осталось. И я своих кадетов теперь натаскиваю, тренирую, как по такой местности передвигаться.

Сейчас в отряде тридцать ребят, которые проходят по курсу. Чтобы ехать, нужно знать Военную Историю, знать военные действия немецких и советских частей там, куда едем,

знать военную археологию, анатомию, уметь ориентироваться по компасу, уметь работать со щупом и с сапёркой... Нужно иметь терпение. В палатках холодно, спим в спальниках, еду готовим на костре. Зверье, змеи... Тяжело это. По инструкции я могу находиться с детьми в лесу пятнадцать-шестнадцать дней. Получается по две вахты в год. Весной и в августе. Летом, конечно, комфортнее, зато весной искать удобно. Снег сходит, трава ещё не выросла, косточки видны как на ладони.

За время поисковых работ удалось установить имена только двухсот четырёх бойцов – по именным медальонам. Остальные похоронены как без вести пропавшие. Я даже трёх своих родственников нашёл из тех, что пропали без вести.

Если находим останки немецких солдат — передаём их на родину. Немцы тоже работают на местах боев. Только у них это – государственная программа, им за это деньги платят. Мы нашли 303 немецких солдата, всех им передали. Если встречается исправное оружие, мы, оставляя его, по радиации сообщаем, где оно лежит ОМОНовцам. Они приезжают, забирают.

Раньше, если мы находили медальон и родню погибшего, то передавали им медальон. Но немцы научили меня этого не делать. В очередной раз сообщили им о том, что их солдата нашли. Они приехали. Я им медальон отдаю, а они не берут. Имя записали, и всё. Я удивляюсь — почему, а немец говорит, что заметили: как только в семью солдатский медальон возвращается, через пять-семь месяцев кто-то из семьи гибнет.

Тут я стал вспоминать, что и у нас такие случаи были, просто связи не замечал. Три случая вспомнил, когда мы привозили медальон, передавали родственникам, и вскоре у них в семье кто-то умирал. С тех пор я медальоны не вожу, хороню вместе с останками.

Ну, и другие мистические вещи наблюдались. Мы от них отмахивались, не обращали внимания, а тут уж признались

себе в том, что это есть...

— Проходим по лесу. По карте значится, что в этом месте мы уже работали. Вдруг один пацан мой говорит: «Иван Григорьевич, мне как будто сказал кто-то, не уходите, мы здесь...» Остановились, взяли квадрат десять на десять, металлоискателем прошлись, железа нет. Со щупами поработали... Три солдата, два медальона. Мы медальоны открыли, один – из Омска, родственники так и не нашлись. А другого имя прочитали, парень тот, что голоса слышал, кричит: «Это мой дядя!»

И вот тут мы окончательно перестали друг от друга скрывать, кто что видел, кто что слышал. И оказалось, многие ночью в лесу видят тени солдат. Часто в каких-то балахонах до земли. Я потом узнал, что это за балахоны. В тридцать девятом году по приказу Ворошилова было сшито очень много шинелей для кавалеристов, но кавалерия-то в войну не слишком пригодилась, и на складах этих шинелей, длинных, до пят, уйма осталась. И вот, в первые дни войны, когда немцы наших били, как котят, много призывников были в этих шинелях.

Вот ещё случай. Мы сапоги сушили на палках, ониazole палаток торчали. Как-то паренёк наш, Артем, проснулся от того, что кто-то его вроде разбудил. Смотрит, перед ним человек в шинели. Говорит: «Пойдём со мной». Вышли из палатки, тот: «Возьми палки. Восемь палок». Артём восемь палок из-под сапог взял и пошли в лес. «Втыкай здесь», — говорит. Потом: «Здесь»... И так все восемь палок Артём в землю воткнул. А человек как растворился.

Утром Артём нас повёл, и под каждой палкой мы по солдату нашли. Даже не в земле, а просто в траве. Разгребаешь её, а вот они – косточки. И когда мы последнего подняли, Артём сказал: «Вот этот ко мне и приходил».

Так что теперь-то мы уже точно знаем, что когда мы солдата находим, его душа стоит рядом и смотрит, как мы его поднимаем. Потому мы теперь и батюшку при захоронении зовём, чтобы отпел. И ещё больше уверились, что правиль-

ное дело делаем: не просто кости закапываем, а души на покой отпускаем.

Я обо всём этом посоветовался со священниками, они многое мне подсказали. Например, что не надо останки никуда перевозить. Надо хоронить там, где умер. Кстати, мы частенько у солдат под пяткой иконки находим. Прятали.

Или ещё. Работа-то тяжёлая. Иногда достаём солдат из воронок. Воронки бомбовые часто служили для захоронений – копать времени не было. Так там надо вычерпывать воды шестьсот-семьсот вёдер, очень тяжело. Но когда мы стали перед началом этого дела ставить свечи и зажигать, вообще уставать перестали.

Ещё был такой случай. Работали весной в последний день, время к обеду, я говорю: «Сейчас придут машины, уезжаем и – уже в Томск».

Вот машины приехали, мы собираемся садиться, и вдруг все почувствовали холод, прямо изморозь. Солнце светит, а мы окоченели аж. Я говорю: «Ребята, а солдаты не хотят, чтобы мы уезжали». Потом громко: «Мы вернёмся, честное слово! Через два месяца прямо тут палатки поставим. Мы будем здесь искать!» И сразу снова тепло стало. Мы в августе приехали туда и ещё останки 56 солдат нашли.

Ну, и кроме отпевания ещё салют обязательно местные военные дают. Пусть бойцы знают, что мы уважаем их воинскую доблесть. И красное знамя всегда устанавливаем. Под этим знаменем они сражались, под ним и похоронены.

Знаю, что всех мы не поднимем. Природа берёт своё, искать всё труднее. Но мы должны искать и найти всех, кого сможем. И ведь есть вторая сторона вопроса: не только отдать дань погибшим, но и ребят наших воспитать. Уже 153 пацана из кадетов-прометеевцев стали офицерами. А всего через отряд больше четырёх тысяч ребят и девчат прошло. И все они выросли достойными людьми. А ещё есть такой показатель жизни. И он меня очень радует. Нынче в отряде состоялась девяносто девятая свадьба. То есть, когда и жених, и невеста – прометеевцы. Это ведь тоже достижение...

Вот с таким замечательным человеком мне повезло общаться. И теперь я жду с нетерпением новой встречи.

В памяти народной

(Из беседы со старейшим жителем Самуськов, краеведом Войцеховским Л.Н.)

Жители деревни Поперечка, которая находилась в сорока верстах к северу от Томска, отличались большим трудолюбием.

В колхозе всегда был должный порядок. Снаряжение для лошадей, упряжь, телеги, инвентарь для обработки земли, пахоты, для уборки урожая – всё это находилось в образцовом состоянии.

Колхоз был не богатый, но относительно людей – от членов правления ощущалась забота: выдавались трудодни. Такой была Поперечка первой трети XX века.

Во время войны всё мужское население ушло на фронт. В сибирском тылу – голод, нужда. Были и несчастные случаи. Так у солдатки из деревни потерялся ребёнок одного или двух лет. Она ушла пилить дрова в лес весной. И мальчик находился рядом. А потерялся он с концами: утонул ли в болоте, или был съеден зверьём – непонятно. Искали по следам, но так и не нашли. Мать после этой потери заболела, да так и не поправилась. Она часто плакала, видела его во сне, протягивающим ей свои ручки, и взывающим к помощи. Это у неё была незаживающая рана до последних лет жизни. У неё было воспаление мозга, как определили врачи того времени.

Второе событие, которое потрясло не только Поперечку, но и жителей близлежащих деревень, случилось летом 1943 года – единоборство одного человека – жителя Поперечки с группой, вставших на путь нарушения закона военного времени. Ребятишки купались в речке Самуське, когда увидели, что в лесу горит костерок, и какие-то люди спят вповалку. А один стоит с винтовкой у сосны. Видимо часовой. Мальчишки побежали в деревню, в правление колхоза. В то время там

был ХорОшко Пётр Петрович, житель, оставленный на подмогу в тылу. Высокий, косая сажень в плечах, справедливый в делах...

Как и всегда, в то время находились отщепенцы, которые не хотели идти вместе со всеми на фронт. Они прятались в тайге. Найденная мальчишками группа была пятнадцать – двадцать человек. Думали, что война скоро закончится, на фронте обойдутся и без них. А кто-то был противником советской власти. Они и организовали такую банду, скрывались в лесу. Милиция их долгое время никак не могла найти. В 1942 году они убили милиционера Королёва Никиту Егоровича.

Он был единственный представитель милиции на деревни: Петропавловка, Семиозёрки, Кижирово. Преступлений особо тяжких не совершалось. Не случались ни кражи, ни разбойные нападения. Все были заняты трудом. Но эти бандиты, скрываясь в лесу от правосудия, от возмездия, нет-нет, да и заглядывали в чей-нибудь деревенский двор. Овцу или свинью зарежут, бычка уведут. А что могли поделать с вооружёнными молодыми мужчинами женщины и старики. И так случилось, что под какой-то праздник жители Поперечки сотворили стряпню и вынесли её в кладовку. Услышали ночью, что в кладовке что-то гремит, какие-то люди ходят. А это бандиты забрались и поворовали съестное, сохранённое и приготовленное к празднику с большим трудом. Люди об этом сообщили милиционеру Королёву. Он сел на коня, взял с собой винтовку, пистолет, и погнался за бандитами. Почему один? Теперь уже на этот вопрос никто не ответит. Очевидно, связь телефонная была слабой, да и не было времени ждать подмогу. Бандиты уходили в сторону Семиозерок, заманивая милиционера. Он им вслед кричал: «Стойте!» Они не отвечали, делая вид, что убегают. Свернув в сосняки подальше от деревни – заманили туда стража порядка. Он вступил с ними в единоборство, и был застрелен. Забрали телогрейку, оружие, лошадь с седлом. Таким образом, милиционер исчез. Никто не знал, куда он девался: уехал за бандитами и

потерялся. Бандиты его убитого затоптали в болото. А когда крестьяне проезжали, чувствовали, что в том месте шёл дурной запах. Думали, может быть, лось утонул, или корова застряла где-нибудь в болоте. Никто близко не подходил. Следственная комиссия установила, что потерялся человек, и где он находится – неизвестно.

... И вот через год купающиеся в речке ребяташки из Поперечки обнаружили стоянку бандитов. И Пётр Петрович ХорОшко, непонятно почему, решил, что он один справится с бандой. Он сел на коня, взял оружие и примчался к месту стоянки бандитов. Крикнул: «Руки вверх!» Но был застрелен первым же выстрелом. Когда бандиты убрались, об этом стало известно в деревне. Начался переполох. На месте перестрелки нашли зелёную телогрейку, снятую бандитами с убитого годом ранее милиционера Королёва. В результате этого, следователи могли подумать, что Королёв в банде этих дезертиров. Потом вызвали регулярную часть чекистов, которые долго преследовали банду. Бандиты прорывались через болото в районе Красного Яра, к реке Обь, чтобы переправиться на острова, и там скрыться до конца войны.

В Семиозёрках ХорОшко П.П. поставили памятник после войны. На нём указана дата смерти: 20 июня 1943 года.

Поговаривают в народе, что кого-то из той банды видели в строю ветеранов Великой Отечественной войны в самом начале XXI века.

В начале шестидесятых годов, после укрупнения колхозов деревня Поперечка практически исчезла.

Сегодня на землях Поперечки раскинулся дачный посёлок жителей города Северска.

События тех лет остались только в памяти старожилов.

И её – память – нам нужно хранить...

8 февраля 2020

Встреча с маршалом К. К. Рокоссовским

Очерк

Великая Отечественная война по времени отступает всё дальше. И вот уже воспоминания детей войны становятся для нас бесценными крупницами истории страны. Одно из воспоминаний, рассказанное моим земляком, человеком с неотделимой от страны судьбой — Евгением Алексеевичем Верзаковым — предлагаю вниманию читателей.

— Когда в 1941 году гитлеровская Германия вероломно без объявления войны напала на нашу Родину, мне было всего шесть лет.

Мы по праву считались детьми войны, потому как вместе со всем советским народом переносили трудности военного времени, как говорится: не доедали, не допивали, рано начали работать. Глубоко верили в наше правительство и Победу. Ценой миллионов жизней она пришла к нам 9 мая 1945 года.

Мог ли я, десятилетний мальчик, подумать тогда, что спустя десять лет мне посчастливится встретиться с героем Великой Отечественной войны маршалом Советского Союза Константином Константиновичем Рокоссовским. Случилось это так. Служил я в то время на Тихом океане на торпедных катерах. Прошёл слух, что нас должен посетить Рокоссовский. Началась подготовка. На контрольном пункте, где всегда дежурили старшины, поставили офицеров. Ждём..., а маршала всё нет и нет. Опять поставили старшин. В тот день дежурил я, как вдруг у ворот появилась военная машина, я сразу же узнал маршала и чётко доложил ему по всей форме: «Товарищ маршал Советского Союза! Кому и как прикажете о Вас доложить?» «Командиру бригады», — лаконично ответил он. Быстро открылись ворота и машина прошла. Снова на КП заступили офицеры, а я принял дежурство по пирсу. Не успел оглянуться — на пирс едет Рокоссовский со

свитой. Я доложил ему как положено, а он бросил командирам: «Что этот старшина у вас везде дежурит?» А потом протянул мне руку и пожелал успехов в службе.

Я на всю жизнь запомнил это крепкое рукопожатие прославленного Маршала войны.

Моя героическая бабушка

Свою бабушку Васеню по маминой линии я ни разу не видела, но много слышала о ней.

XX век набирал скорость. Сыновья моих пращуров Катри и Герасима вошли в пору — хоть сейчас жени. Но как? В стране революция: крикуны к власти пришли, и непонятно, чего они хотят. Со двора вывели скот, даже куриц, до последней несущки вынесли в холщёвых мешках. Подчистили амбары, урезали наделы. Сел тут Герасим с сыновьями думу думать. Решили так: пойдём за Урал-камень, подальше от большевиков. Там нас примут как неимущих. Будем работать.

– И жён себе присмотрите среди чалдонок: всё НАШИ люди, хотя и перебрались в Сибирь три века назад.

На том и решили...

А Васеня — единственная и старшая дочь осталась с мужем в семье свёкра на Черниговщине, в селе Воловицы. У Васени росли два сына и три дочки. Приближались сороковые-роковые. Муж Кондратий Кузьмич Макогон в первую неделю на фронт ушёл. Попал в окружение, и уже с августа бил врага с тыла в партизанском соединении под командованием Алексея Фёдоровича Фёдорова. Как-то во время передышки после рейда, Кузьмич услышал в хозяйственной зоне голос своей жены. Сколько радости было от нечаянной встречи. Здесь же и ребятишки его бегали. И радость, и тревога за дальнейшую жизнь в лесу. Лес с наступлением врага стал им родным домом. Впереди суровая зима сорок первого года. Село, где они

жили, было хоть и на захваченной немцами территории, находилось в стороне от тракта. И предателей там пока не наблюдалось. Командир отряда принял решение: на зиму кого можно, особенно женщин с детьми, отправить по домам, тем самым укрепить связь с местами получения провианта. Так Васенья с детьми вернулась в свою деревню:

– Хоть и убьют, но в тепле проживём, дома.

Дети жили, не нарушая режима. А мать, как и многие партизанки, с наступлением темноты плотно занавешивала окна и начинала печь хлебА, или гнать самогонку, которой партизаны от лютых морозов спасались, в медицине использовали как антисептик и наркоз во время операций. Хлеб, испечённый, далеко не спрячешь. Бывали ситуации, когда отряд эсесовцев в ночном рейде забирал его весь. Приходилось вновь замешивать квашню в ожидании посыльных из отряда. А самогон приспособились сразу в бутылки наливать. Подвешивали бутылки с содержимым на подоконниках, в которые, якобы, стекала с оконных стёкол талая вода. Так и жили в постоянном страхе от визита до визита. Дважды муж Кондратий приходил за провиантом. То-то радости было от встреч. Благо, ребятишки спали. И отец мог любоваться ими, не опасаясь, что днём проговорятся, мол, тятю видели. К весне сорок второго из отряда пришла трагическая новость – убили Кондратия Кузьмича в одном из столкновений с карателями на железнодорожном перегоне. Поплакала Васенья, покручинилась. Но этим горем не могла поделиться ни с детьми, ни с соседями – а вдруг оккупанты дознаются, тогда всему семейству несдобровать.

В память о тех годах хранилась у неё книжка, подаренная на встрече с ветеранами. Автор – отец-командир партизанского отряда А.Ф. Фёдоров «Подпольный обком действует», из которой привожу здесь отрывок:

«Село показалось угрюмым. Ветер качал большие деревья, выла собака; людей не видно. Проходя мимо одной из хат, мы слышали монотонный старушечий голос. Старушка громко, старательно молилась. Я постучал в окно. Она

смокла. Постучал громче. Отворилась форточка, и я увидел протянутую руку.

— Возьми, — прошептала старушка.

Я взял. Это был большой кусок хлеба.

— Да нет, бабуся, нам бы переночевать, — сконфуженно сказал я.

— Це не можна.

Колхозницы выпекали хлеб для областного отряда; повозка за ним и приехала.

— Готов, готов ваш хлеб, — сказал я и показал Хмурому ещё тёплый кусок, полученный от старушки.

И я не ошибся. Старушка действительно пекла для партизан. Всё село было партизанским. Немцы сюда и нос-то сунуть боялись».

Бабушка Васеня ушла из жизни в возрасте восьмидесяти восьми лет, как и командир партизанского соединения Фёдоров. Это случилось в день сорокалетия Победы в Великой Отечественной войне. Умерла дома, как и желала ещё во время оккупации. Дети вскоре перебрались на жительство в Симферополь. Там по сей день живут они с внуками Кондратия и Василисы Макогон.

2019-2020 январь

Люди, будьте мирнее

— Я помню себя с трёхлетнего возраста, — начала своё повествование 92-летняя соседка. У тяти была лошадка, смиренная, красивая. Подошла я к ней сзади и погладила её роскошный хвост. За что и получила копытом. Пол-лица было рассечено. Маменька меня сгребла и к бабке-знахарке. Та только и сказала: «Отмолю». На третий сеанс прошёл испуг, и начала быстро затягиваться рана. А к школе личико было чистое, беленькое, без единого изъяна.

С каким желанием я в школу пошла! Закончила два класса, а в третьем накануне октябрьских приехал полномочный, и сразу в класс. Спросил: «Где такая-то?» и вывел меня из школы. А взрослым объяснил: «Дочь подкулачника не имеет права учиться в советской школе. Хорошо, что хоть не кулацкой дочерью назвал. А то бы — на Север, в тайгу всей семьёй. Хозяйство у отца не было запущенным. Корова, овцы, куры, гуси, поросята и та самая лошадь Серко. Вот за неё-то и прицепились. Как после тятя горько усмехался: «Ты дважды из-за Серко пострадала».

Зимой как-то сподобилась решать задачки соседским ребяташкам, кто не был в подкулачники записан. Грамматику выполняла, и читала им вслух тексты, которые надо было пересказывать или заучивать.

Так соскучилась по школе, что в сентябре следующего года опять пришла учиться и села за парту к своим одноклассникам. Учительница дала мне экзаменовку. Справилась со всеми заданиями. Так меня и посадили в третий класс со словами:

— Авось обойдётся. Уж больно смышлёная девчончишка попалась, жаль её выгонять.

Аккурат накануне Октябрьских опять полномочный вывел меня за руку как подкулачный элемент. Теперь уже одноклассники ко мне: «Помогай нам учиться...»

Таким путём я семь классов в нашей школе окончила.

... Война. А мне пришлось предписание ехать на выкорчёвку леса. Какая работа, когда лапти у меня были с маменькой одни на двоих. Да и их я не научилась завязывать.

В марте 1945-го мне исполнилось 16 лет. И приходит как-то одинокий сосед — старичок. Истопником в сельсовете работал.

— Гришка, что я слышал! Завтра за твоей девчонкой придут. Статью уже приписали: пять лет поселения на север по Оби. Бежать ей надо.

Пошла я сразу в школу к заведующей просить справку об окончании семилетки. Та — добрая душа — выписала мне такую справку, но не за красивые глаза, а за знания. И вручила её со словами:

— Ты у нас, Надюша, была лучшей ученицей, хоть и не имеешь свидетельства с отметками.

И вечером того дня я побёгла в Мариинск поступать в сельхозтехникум. Там остановилась у дальней родственницы. Спала в пристройке. Помогала по хозяйству за кусок хлеба.

Про техникум пришлось забыть, потому что к справке ещё свидетельство с оценками нужно. А у меня его нет. По ходатайству хозяина родственницы устроилась телефонисткой на почте. Узнав, что табеля с оценками нет, понизили до разносчиц телеграмм. Через год от отца весточка пришла — маму на пять лет посадили за то, что не хотела отдавать урожай со своего огорода полномочным из города. Помню, как я ходила с прошением к защитнику на дом. До сих пор у меня в голове его адрес: улица Пролетарская, дом №6. У него весь двор коврами был устлан. Тятя бычка заколол, овец под корень пустил. Но ничего не помогло. Наверное, надо было коврами просить. А где их взять?..

Без хозяйки в усадьбе пусто. Вернулась я домой. А здесь и тёлочка подросла, отелилась. Опять полномочные стучатся во двор:

— Необходимо корову одну обществу отдать. Дочь у тебя тунейдка, сидит на твоей шее.

Дали срок неделю. Я тятё и говорю:

— Пиши прошение обществу, чтобы меня от тебя отделили. Я с коровой и уйду.

Общество согласилось: «Но если её корова выйдет дальше ограды на два метра, корову заберём, а дочь твою к матери на отсидку отправим».

Отец закручинился. А я ему и говорю:

— Сейчас я лягу спать, а ты меня в три часа ночи разбуди, и я с коровой уйду в соседнюю деревню за восемь километров, откуда родом мама. Там буду жить.

На том и порешили.

В три часа ночи я вышла за ворота, благо небо в тучах было. И пошла по над кустами, ближе к тайге. Не дай Бог, колхозный сторож заметит, тогда беды не миновать. Зашла в тайгу. Справа от тропинки болото, ступить страшно. Но, делать нечего... Сделала несколько шагов, и оступилась прямо в топь. Чувствую — дна не достать. И тут, словно из-под земли передо мной появляется маленький сухонький старичок в рванье. И начал со мной говорить, да так это быстро-быстро. Я только кивать успевала, и идти за ним вслед.

Светает. Шесть часов утра. И усадьба мамкиной родни показалась на взгорке. — Ну, вот, до твоей деревни я тебя довёл, а теперь мне надо дальше бежать...

И словно растворился в воздухе. Я и спросить у него ничего не успела.

Кто это был, и что со мной было? Одному Богу известно. Да, там на небесах всё давно рассчитано и обдуманно. Путь каждого человека указан. Нам только надо с честностью пройти этот земной путь. Вот была бы сила, поднялась бы я над Землёй, и сказала бы всем-всем-всем:

— Люди! Будьте мирнее! Живите дружнее!..

15 августа 2019 год

Сделка с жизнью

Вечерело...

Вот, кажется, и всё. Заканчивается день и его жизненный путь. Устал.

Устал жить, притворяясь сам себе в своих якобы честных отношениях.

Устал от пьянки в забытии.

Устал.

Устал.

Устал...

Опять впал в потерю сознания.

Кажется, на прошлой неделе приходила его первая, а может быть, вторая жена. Кто теперь вспомнит и разберёт, кроме его самого. А у него память выпадает из действительности. Не мудрено, уже восьмой десяток разменял. Предки его жили по 90 лет, а бабка по отцовской линии перевалила за сотню.

Итак, Надежда — его главная жена, с которой прожил тридцать лет. Он не может себе признаться, что в любви и согласии. У них есть дети, внуки. А после разговора с ней узнал, что уже правнуки, о-очень похожие на него, как и все дети. Жена была недолго, пока последняя — Вера, в магазин ходила. Он и договорился с соседкой, чтобы привела её в отсутствии Веры. Встретились, и сердце защемило, как в молодости.

Тогда, полвека назад, у него была тревога: где остановиться на ночлег. На дворе начало марта. Пять лет прошло с первого дня Победы. А он по-прежнему неприкаян. Служба в армии спасала, пока по возрасту срок не вышел. Отдали военный билет, вещмешок и за ворота части выпроводили на все четыре стороны. На деньги, что были у него, взял билет в один конец. Пока ехал в железнодорожном вагоне, отсыпался.

Станция прибытия. На горизонте копёр виден — шахтёрский городок, где после войны нужны рабочие руки.

Вечерело.

Морозец крепчал. Вокзал на ночь запирался на ключ.

Спешат со смены рудо добытчики. А он — воин-победитель стоит на распустье.

Встретился взглядом с одним из жителей Городка. Тот сам подошёл, поздоровался, первый заговорил о проблеме его ночлега. И предложил: «Иди к моей теще. Сыновья и муж с фронта не вернулись. Она сама немощная, живёт с дочкой-перестаркой. Да и где нынче женихов взять. Всех война проклятушая выкосила. Вот и пойдёшь в примак, а там, как сложится».

Согласился солдатик, пошёл на сделку с жизнью уже второй раз.

...Впервые он смалодушничал до войны: любовь у него была красивая, большая. Хоть роман пиши. Но, наверное, не настоящая, коли, узнав, что Любушка понесла от него, сбежал в соседний район. Там и перекантовался до армии.

Поэтому он и считал Надежду второй женой.

Опять мысли его понесли вспять. Вспомнил, как, уже четверо детей у него с Надеждой было, приехала Любушка с сыном. Она ничего не просила. Просто переступила порог, и стояла, обняв своего, нет, их пятнадцатилетнего сына — фотографическую копию его, с такой же щербинкой на верхних передних зубах.

Тогда у него впервые память выпала из действительности. Он слова сказать не мог, и ноги отказали. Надежда замерла у кухонного стола со страхом в глазах: уведёт его женщина с сыном, и как же она одна будет поднимать четырёх дочек.

Но не хватило духу у него даже слово сказать. А Любушка с сыном, постояв так минут пять, ушла, словно её и не было. Растворилась...

Только с этого дня тревога поселилась в сердце Надежды, и не покидала, пока дети росли и вставали на ноги.

Жил он себе не в радость, а окружающим — жене и детям

– в тягость. Дочери подрастали, понимая, что не всё ладно в отношениях родителей, стеснялись этих отношений. И позднее люто возненавидели отца за то, что он погубил жизнь матери.

Интересно, когда он уйдёт из жизни... Скорее бы, устал уже так жить – вспомнят ли они его добрым словом, простят ли?... Нет, на это он не надеялся...

Память вернула ему ещё один эпизод. Страшный эпизод – теперь-то он это понимает. Подошла очередь получать квартиру. Старшие двойняшки оканчивали школу, самая младшая в седьмой класс пошла. А семья его жила всё в той же каморке, в которую он вошёл в солдатской гимнастёрке: комната одна с печкой в центре. Здесь и спали, и обедали, и уроки делали. И он плотничал по вечерам.

А новая квартира трёхкомнатная, светлая в кирпичном доме на втором этаже, балкон и лоджия. Уже побывали в ней. Прошли по комнатам, мечтая, как будут обживать её.

В день получения ордера он отказался от квартиры, объяснив на заседании жилищной комиссии, что жена привыкла печку топить, и подписал письменный отказ. А дома, свернув дулю, злобно рыкнул: «Вот вам, а не квартира! Ишь, захотели городской жизни! Не бывать тому!»

Вспомнить страшно, как плакали жена и дочери. А потом старшая сказала, как плетью хлестнула по лицу: «Это ты будешь жить здесь, где тебя тёща приютила, до конца дней своих!»

И что на него тогда нашло?..

А дочери после школы получили профессии, и забрали Надежду от отца, сказав: «Хватит ему измываться над нами. Тридцать лет терпела ты и мы вместе с тобой».

Стыдно, ой как стыдно...

Вот бы раньше, когда был в силе, поехать к ним, и на коленях вымаливать прощение за свои деяния. Думая так, он понимал, что никогда бы так благородно не поступил. Духу не хватило бы, как и сейчас.

После Надежды подобрала его пьяного Вера, третья жена, которой, как и ему после армии, негде было жить. Отмыла, привела в чувство, и ...вместе с ним начала пить. Прожил он с ней всё в той же каморке 15 лет. Только и было радости, что в редкие дни её трезвости. Тогда он осознал всю мерзость своего отношения к Надежде и дочерям. Но жизнь прошла...

Только и осталось, что по вечерам на завалинке рассказывать останавливающейся молодёжи, какая интересная у него судьба была. Так правдиво рассказывал, что и сам в это начинал верить.

Сегодня тёплое июньское утро. Вчера прошёл выпускной у внучки. Позавчера, в день своего двадцати двухлетия внук получил диплом об окончании лучшего ВУЗа страны. Они далеко. Он, словно чувствуя эту радость внуков, постарался оттянуть свой уход, чтобы не омрачать их праздники. Хотя так он мог загладить свою вину перед близкими.

...Наверное, сегодня последнее его утро. Он почувствовал это и тихонько окликнул Веру. Та, после вчерашнего перепоя (он последний год уже не пил), вызвала ему сразу скорую, пожарную, милицию, и опять уснула. Как раз к тому времени, когда взошло солнце и все три службы встретились у дверей каморки, его душа, не прощённая Надеждой и детьми, покинула этот мир...

2018 г.

Солдатские будни отца

Я — дитя — результат военных действий, потому, что не будь войны, мои родители не встретились бы. Зарегистрировались они в ноябре в селе Свобода, но брачное ложе разделили только после свадебного вечера в новогоднюю 1952 года ночь. А через девять месяцев родилась я. Это произошло в посёлке Заводинка Восточно-Казахстанской области, куда переехали родители весной.

В Заводинке на руднике, куда устроился отец буровиком, а затем — сменным мастером, зарплата выдавалась ежемесячно. И, самое главное, люди выходили из-под невольной кабалы, имели возможность получить паспорт и перемещаться по стране. Колхозники этого были лишены.

Отец приехал в село Свободу со своим однополчанином, который сказал, что живет в Казахстане. А у отца слово Казахстан ассоциировалось с Алма-Атой, теплом и яблоками. Это и стало решающим фактором поездки его в Казахстан со службы. В армию его призвали в 1944 г. Служил на Дальнем Востоке, в Манчжурии. Воевал с милитаристской Японией в сентябре 1945 года, где закончилась II Мировая война. После окончания войны охранял, служивших в то время на территории Китая, маршалов Малиновского и Ковалевского с семьями. Папа очень хорошо отзывался о Малиновском, его порядочности, человечности и воспитанности, непритязательности в быту. А вот маршал Ковалевский "был барином", который с надменным видом проходил мимо солдат, охранявших его. Дом Ковалевского изобилует роскошью. Вот одна только деталь: со слов отца вся столовая посуда была оснащена, вставленными в неё, часами. Для того времени это было чудо.

Служил папа и фельдфебелем: перевозил секретные военные документы из Харбина в Москву. Прodelывал он это несколько раз. Наряду с документами, которые вёз отец, ему

выдавалась капсула с ядом. По инструкции, при непредвиденных обстоятельствах, ему необходимо было уничтожить документы, а потом и себя, раздавив зубами капсулу. Однажды, когда он следовал на поезде по КВЖД (Китайская восточная железная дорога), ночью произошло резкое торможение поезда и наш отец, как и многие пассажиры, упал с верхней полки на пол, а на него посыпались чемоданы. Если бы первоначально надо было уничтожить себя, он бы это сделал, не задумываясь, согласно инструкции. Но ему необходимо было время для уничтожения пакета. И в это время он услышал голос проводника, который, проходя по вагону, успокаивал пассажиров, сообщая, что на железнодорожных путях стояла лошадь, которую сбил паровоз... Поездка была продолжена.

Первую информацию о Китае я получила от отца: Харбин, рикша, маленькие ножки (детского размера) у женщин, выпечка пышного белого хлеба, китайские ткани, абсолютное отсутствие какой-либо склонности к воровству у коренного населения, их полная доверчивость – всё это поражало советских солдат. Продавцы магазинов, уходя на обед, вешали табличку об их отсутствии и запирали торговое место на щеколду. К нашим солдатам они обращались одним словом «капитана».

А вот о боях, военных действиях отец не любил вспоминать: «Война она и есть война, хуже горькой редьки. Тебе лучше не знать об этом!» И только один раз коротко сказал: «В одно из наступлений наша рота по команде из окопа рванула в бой. И тут я заметил, что справа от меня нет моего товарища, с которым и котелок и плащ-палатку делили, а минуту назад в окопе разговаривали о том, какая хорошая жизнь будет после войны.

Оглянулся — а он с пробитой головой остался в окопе».

22 января 2020 год

СНЫ С ВОЙНЫ (Быль)

Моя прабабушка Катря, рождения 1860 года, ушла из жизни в 1964, при полной памяти, отличном зрении. Дожидала она в доме одного из своих сыновей. Несмотря на свою более чем вековую трудную жизнь: потерю сына и трёх внуков на войне, от государства не имела никакой помощи в виде пенсии. Таких людей априори в СССР не существовало, равно как и инвалидов Великой Отечественной. Помню их — горемык безногих, на деревянных колодках, молодых, отчаянно весёлых, с которыми мой папа здоровался за руку, наклоняясь. И вдруг в одночасье улицы очистились от инвалидов. Я своим дошкольным умом не могла понять, но радовалась тому, что в нашей стране нет инвалидов, калек, как их в народе называли. Много позже, на перекате в XXI век, официальная история приоткрыла завесу: негласным решением партии и правительства запрещалось этим людям — нашим героям — появляться в общественных местах, «дабы не смущать народ своим увечьем».

Так мы и жили — «счастливо»!

Вернусь к воспоминаниям середины 50-х годов прошлого столетия. Как-то вернулся с работы сын бабушки Катри, у которого она жила — Семён. Жена Марья по хозяйству колготится, со скотом управляет.

— А где мамаша? Куда её понесло, к соседям?

— Да не знаю, здесь только что была, — всплеснула руками Марья, охая...

Семён, забыв про несостоявшийся ужин, вышел за ограду, начал у соседей спрашивать.

Вездесущие мальчишки, пробегая мимо, рассказали, как старенькая бабушка вышла за ворота, и со словами: «надо навестить внуков Ванькиных» направилась за кордон. А там, в трёх километрах от центральной усадьбы, жили мои роди-

тели, те самые внуки с нами — малышами.

Отправился Семён на поиски, расспрашивая встречных рудничных знакомых о своей матери. Всё-таки ей шёл уже 96-й год.

Полпути прошёл. Увидел на лавочке за оградой хозяйку дома Саулешку, которая вручную шила своим пацанам шаровары к школе. Кстати, спустя много-много лет, в 2005 году, когда я была в тех местах, так же встречала сидящих за оградой женщин-хозяек, которые, кто сшивал разноцветные лоскутки в одеяло, кто штопал одежонку, а кто и фартук-передник для себя мастерил. Полсотни лет прошло, а ничего не изменилось...

Саулешка, много моложе сына Катри, окликнула его:

— Дядя Семён, и что это удумала твоя мамаша. Полчаса назад смотрю, идёт, да так ходко. Я ей: «Что случилось баба Катря?! Далёко путь держишь?» Она: «Иван намеднись мне приснился. Значит надо попроведовать его дочку, а вдруг моя помощь нужна». Я ей: «Да какая от тебя помощь, уже к сотне корячится...». Она мне: «И-и-и-и, не скажи, девка! Я вот смотрю, ты маешься, никак не можешь вдеть нитку в иголку, а годочков тебе сколько? Есть ли сороковник? Дай-ка сюда».

Представляешь, дядь Семён! Взяла нитку и с первого раза, не напрягая глаза, вдела её в иголку, завязала узелок, передала мне и пошла дальше.

Да она уже, наверное, у твоей племянницы чай пьёт».

А дома у нас в это время тоже переполох случился. Папа только что приехал на своей грузовой машине перекусить, так как впереди ещё была вечерняя смена по уборке зерновых. И следом за ним в избу баба Катря заходит:

— Здравствуйте вам!

Родители всполошились:

— Бабушка, что случилось, с кем?!

— Это я у вас хотела спросить — всё ли в порядке? Мне Иван — твой отец, Катя, сегодня приснился. Думаю, всё ли у вас ладно. Вот и пришла. Это для меня знак, как кто приснится из моих, не вернувшихся с войны, жди беды у их де-

тей. Поэтому я пришла вас проводить.

А следом и Семён — ее сын заходит...

Конечно, годы дают знать о себе. Поэтому, наскоро перекусив, папа посадил в кабину мать с сыном, завёз их домой, а сам — на поля, урожай собирать.

И уже вернувшись за полночь, папа рассказал моей маме, что ещё до обеда у его напарника при затяжке болта из рук сорвался разводной ключ и пролетел вдоль папиного виска. Вот тебе и бабушкин сон...

Письма с фронта

Мы всегда помним тех, кто бился с врагом на фронте, кто воевал в партизанских отрядах, кто страдал в фашистских концлагерях. Помним тех, кто без сна и отдыха трудился в тылу, кто дошёл до Берлина, Праги и кого сегодня нет с нами. Проходят годы, десятилетия, сменяются поколения, но разве можно придать забвению подвиг воинов, защитивших не только нашу жизнь, но и само звание человека, которое хотел растоптать фашизм.

Посещая музей Краеведения посёлка Самусь, пересматриваю пожелтевшие ветхие листочки-треугольники — письма с фронта, которые ждали с нетерпением в тылу матери, жёны, сёстры, младшие братья и вместе с воинами верили в скорую победу. Вот они — свидетели истории нашей, её трагические вехи. Они не солгут, не подведут, только правду повествуют.

«31.3.42 Добрый день, милые мои! Вот уже две недели как я в бою. Жив, здоров, за подвиг награждён орденом «Красного знамени». Немцев бьём как собак. Ждите победы и счастливой жизни. Коммунисты не унывают, они бьют, бьют и бьют. Псы «рыцари» трусы и бегут как псы. Прости, писать некогда, начинается бой. Целую. Твой Саша».

«11/IV/42 Привет с фронта! Здравствуй, дорогая сестра Вера и милые племяннички Валерик и Галечка. Прежде все-

го, разрешите передать свой пламенный красноармейский фронтовой привет и пожелать всего наилучшего в твоей жизни, Вера. Сейчас весна, тает сильно снег, и в свободное время мы на проталинах под гармонь поём песни и пляшем, а немцы наоборот, с наступлением весны осунули носы, да и бить их стало лучше, так как зимнюю одежду как сняли, так сразу почувствовали себя намного легче. Так что в скором им будет конец».

«2.08.44 г. Привет с фронта! Здравствуй, дорогой братишка Павлик! Прими фронтовой привет. Мы бьём фашистов и верим в скорую победу. Верь и ты, что победа не за горами».

Мы будем помнить, перечитывая эти строки, и верить, что наша Победа священна...

Война закончилась. Но память поколений, как фронтовая дружба, вечна и тверда.

Из посёлка Самусь на великую битву было призвано 546 человек. На полях сражений осталось 204 солдата. Сегодня в нашем посёлке проживают два участника войны: Виктор Дмитриевич Дуркин, 1918 года рождения и Виталий Тимофеевич Чигулин, встретивший 100-летний юбилей в январе 2020 года.

Дай Бог героическим землякам здоровья...

8 февраля 2020 год

Ирина Евдокимова

Родилась в 1973 г. в г. Горно-Алтайске. Окончила школу, училась в Новосибирском швейном училище. Некоторое время трудилась по специальности на дому. Работала в Республиканском национальном музее имени А.В. Анохина.

Первые стихи начала писать в тринадцать лет.

Печаталась в периодических изданиях: «Звезда Алтая», «Сельчанка», «Листок».

Ветеранам Великой Отечественной ...

*Пережиты потери, невзгоды,
Вот и в прошлом осадок вины,
Пережиты военные годы,
Годы главной великой войны.
Пережиты бои и сраженья,
Не забыты и слёзы побед.
Вам — спасибо за всё поколение,
Вы — герои на тысячи лет.
Ваши внуки уже подрастают,
Вами правнуки будут горды.
Незаметно года пролетают,
Но душой Вы всегда молоды.
Пусть для Вас венский вальс
заиграет,
Ветераны, родные мои,
И над миром Победа сияет,
И навеки утихнут бои!*

Соловьи

*В садах цвела ещё сирень,
Приветствуя рассветы,
И оставался только день
До будущей Победы.*

*И сколько радости и слёз!
В тот день все пережили!
Война закончилась всерьёз,
Но люди не забыли.*

Припев:

*Как все делили, как могли,
И жизни не щадили.
И всё же выстоять смогли,
И всё же победили!*

*Сирень давно уж отцвела,
Но в памяти остались
И те цветы, и та трава,
И даже та усталость.
Усталость от прошедших дней
И память о надеждах.
В садах щебечет соловей
И слышится как прежде:*

Припев:

*Как всё делили, как могли,
И жизни не щадили.
И всё же выстоять смогли,
И всё же победили!*

Галина Свириденко

Свириденко Галина Николаевна родилась в 1955 г. в Алтайском крае, Рубцовского района, с. Бобково.

Окончила медучилище, ГАГПИ географического факультета, поработав в медицине, школе и корреспондентом в газете «Чойская летопись». В настоящее время проживает в с. Майма республики Алтай.

Публиковалась в газете «Звезда Алтая», в сборниках: «Паралельные миры», 2007 г; «Отражение веков», 2010 г; «Снова память распахнута настежь», 2010 г; детском сборнике «Повозочка», 2009 г; «Майма литературная», 2010 г; «Среди однотипных коралловых будней», 2015 г; «Дороги солнечная нить», 2018 г; «Мы приходим на землю», 2019 г.

Член Петровской Академии наук и искусств.

Я родилась уже после войны

*Я родилась уже после войны,
Был вечер, и в деревне было тихо,
Я за собой не чувствую вины,
И только по рассказам знаю лихо.*

*Мне ничего не рассказали деды,
Не видела их добрых милых лиц.
Но в память родовому следу,
Я голову свою склоняю ниц*

*Пред фотографией, слова не нахожу,
Льёт дождь и будет радуга, похоже.
Вас нет. Я — по земле хожу,
И внуки мои ходят тоже.*

*Вы, не пришедшие с войны,
Мне с Вами не вести беседы.
Мы — родились. Весь в этом смысл,
И ощущение Победы...*

19.02.20.

Пока мы живы...

*Когда детьми садились в сани,
За нами нужен глаз, да глаз!
Нас бабушка пугала: деда Занин,
Напакостите, так поймает вас!*

*Лучше б упасть с велосипеда!
Дед был пониже потолка,
Но мы не так боялись деда,
Как страшным был его рукав.*

*От ветра в стороны болтался,
Когда тот ехал на коне.
Он правой делать все пытался,
Ведь, левая, осталась на войне.*

*Как в огороде мог копаться!
Не понаслышке мерил труд.
Играть в войну. Без рук остаться?
Боялись, что в игре – убьют!*

*Слетая с крыши, как с трамплина,
От воевавшего бежали босиком!
Дед Занин — был отличным семьянином,
Приветливым и сильным мужиком.*

*Был не совсем, чтобы простак,
В пропыленной советской робе.
Одной рукой трудился так,
Как будто они были обе.*

*Выходят ветераны на парад,
Начищены награды боевые.
В потёртых гимнастерках их отряд,
И плачут те, которые живые.*

*Незабываемые детские года.
Погибших воинов оплакивают ивы...
И не могли представить мы тогда,
Что они с нами, здесь. Пока мы живы.*

Это стихотворение написано в память об участнике ВОВ, бывшем солдате, моем соседе Занином Иване Дмитриевиче. К сожалению, с переездом, не смогла узнать: какими наградами была увешена его гимнастерка. А проживал он в Алтайском крае, Рубцовском районе, селе Бобково, где и похоронен.

Распускается тополь...

— Меня пораньше завтра, мама, разбуди,
Пожалуйста, чтоб времени с запасом.
Вот здесь мы, строимся все классом,
А ну-ка, знаменосцы, впереди!

Наш Кривошеин Дмитрий Алексеевич,
Вторая школа, сложный — 8 «б»,
Жаль, мы тогда не понимали:
Война была в его судьбе.

Вот мы, на снимке выпускного,
Единственное фото, у крыльца:
Пристыживал мальчишку озорного
И находил очередного хитреца.

Давал не только о войне уроки
Серьезно, молчаливо, по — мужски.
В нас истребляя детские пороки,
Сказал: «Ну, вот и все, выпускники».

Рассвет на Чуйском тракте, аттестат.
Прикрыл глаза учитель наш военный.
Спасибо, что всех выпустил на старт,
Своей порядочностью мудро-откровенной.

Как 9 мая с утра сердце жмет.
Знамя, музыка, площадь – парадно!
И сорока трещит, как строчит пулемет,
Распускается тополь.
Немного прохладно...

Времена не выбирают... (Воспоминания участников ВОВ)

Как и для многих людей, живших в годы Великой Отечественной Войны, события тяжких лет, не прошли мимо моей семьи. Я – не дитя войны, ими были мои родители. В 1941 году отцу было всего десять лет, но воспоминания об этом времени, перемешанные с болью и невзгодами, сопровождали его всю оставшуюся жизнь. А меня, его прижизненные диалоги, научили внимательно и серьёзно впитывать и оценивать уроки, за которые не ставят оценки.

Первым с начала войны в ряды Советской армии, на фронт был взят его средний брат – Иванов Иван Фёдорович, с Алтайского края, Рубцовского района, села Бобкова. Однако письма – треугольники радовали семью недолго. Их просто потом не было. Никогда. Но семья, не зная ничего об этом, ждала.

Вскоре забрали и старшего брата – Романа Фёдоровича, который служил на защите родины, на границе с Японией. Он постоянно извещал своих родных. Они, хотя бы, знали, что он – жив. Надо ли писать о том, что с их призывом, оставшаяся семья начала голодать.

Не буду уточнять, как они жили, питаюсь только с маломальским урожаем с огорода, да травами и ягодами. Тогда все выживали так. Страшно было то, что негде было взять топливо. Степное село с маломальской растительностью: полынь, ковыль, ивняк, да перекасти поле. Это потом были овцы, фермы, трактора МТС, а то время – слёзы, нищета и голод.

О тыловой жизни земляков известно и написано не мало. Не сразу, а только через пять лет пришла долгожданная победа. Все ждали писем от Ивана, но по счастью, самого страшного известия о нём, тоже не было.

Возвращались все, кто мог вернуться с войны: раненые,

без рук, и ног, но возвращались. Кто-то уже не ждал. А мать сына ждёт всегда. Умоется слезами Елизавета Дмитриевна, а на языке: «Вот если бы, Ваня был здесь»...

Наверное, это и есть тот самый случай, о котором в Библии написано – «По вере вашей вам будет дано». Как-то утром, а год это был уже сорок шестой, приходит к бабушке моей – секретарь из Сельского Совета и говорит:

— Тетя Лиза, сама не знаю, радость Вам, или боль несу, или ошибка какая вышла? — Елизавета Дмитриевна, машинально сняв с головы, по — деревенски завязанный платок на затылке, так и не смогла встать с завалинки.

— Ваня? Рома? — Что с ними?

— Пусть Ваш сынок, Николай идёт в правление, там ему всё объяснят...

— Ну, что сынок, — председатель улыбнулся запыхавшемуся от бега мальчишке, — давай запрягать лошадей, поедешь на станцию за своим братом!

— А я, стою, — рассказывал мне отец, — молчу, а ноги мои не могут сдвинуться с места, но коня запряг всё — таки, и хотел уже ехать, а председатель смеётся и говорит, — я же, сказал, двух коней запрягай. Ты же, победителя встречать едешь! Пусть ему будет приятно, вдруг у него ранение, какое есть?

Я ехал и не знал ничего. Вспоминал, какой рослый и курдючный был Ванька до войны, торопил своих коней, мне нужно было доехать до станции Мамонтово. Никто из взрослых со мной не поехал, у мамы отказали ноги. Дорогу я помнил, приходилось уже ездить за фронтовиками. Вот и двухколейка, пустая, и никого нет. Наверное, я слишком поторопился. Привязав к забору коней, я впился глазами в сторону прибытия поезда. Стою и думаю: не уеду, пока не встречу его!

Вскоре показался поезд. Как же, медленно он шёл. Раздался гудок, состав остановился. И нигде — никого. Впрочем, двери одного из вагонов открылись, высадили какого-то согнутого старика, и поезд пошёл дальше. Я оцепенел. Стою

и реву: «Обманули!». Потом пошёл к лошадям, чтобы ехать обратно.

Пока отвязывал лошадей, подошёл ко мне этот старик, нищенски одетый, спрашивает:

— Куда ты, хлопец, едешь? Не мог бы ты меня подвести в село Бобково?

— Туда и собираюсь. Садитесь, конечно. — А сам слёзы размазываю по щекам. Дед сел и молчит.

— А ты, чей будешь, скажи? — приспрашивается...

— Да, за братом своим Ванькой приезжал сюда. С войны его встретить надо было, а его — нет. Обманули меня, — и реву продолжаю. Кого мне, лет пятнадцать было.

Дед придвинулся ближе ко мне, тоже почему-то заплакал и говорит:

— Я — это, Иван, твой брат.... Как мы тут обнялись! Вожжи упали, кони идут сами по себе, а мы, ревём! И всё боимся отпустить друг друга. Потом, когда наревелись, я разглядывать его стал. Худющий, страшно. Как он вообще ходил? И седой. Поэтому я его и не узнал. А потом говорили. Долго-долго.

— А, почему ты сразу не сказал, что мой брат?

— Я испугать тебя боялся...

— Что ж, мы с тобой так тихо едем? Ведь нас заждались, уже все!

— А как сестры: Шура, Арина, Дуся? А Роман? — А Роман скоро приедет, всё ещё на японском фронте...

— Вот как? — и опять, опять успевает вопросы задавать, — а девчонки, невесты поди, стали, не узнаю.

— Узнаешь! Все тебя ждут! — И задохнулись жеребцы от бега!

Когда радость встречи поутихла, Ваньку откормили, приодели, чем могли, и такой ладный парень выправился! Хоть куда! Кудри снова затрепались, только седые.

Всё село расспрашивало Ваньку про войну. Почему молчал? — Не думали, что живой.

— В плен я попал, сразу же, после первого боя....

— Позднее, будучи директором школы другого села, не мог без слёз вспоминать — это время своей жизни.

— Мне повезло: один немец выбрал меня работать к себе на подворье. В лагере бы я не выжил.... Знаешь, и среди немцев были люди. — Об этом дядя Иван рассказывал, уже мне, когда я выросла.

— Относился этот немец, хозяин мой тогда, ко мне по-человечески, с голоду помереть не дал, одежду давал.

Как его миновал Гулаг — один Бог знает Видно, действительно хорошо за него молилась моя бабушка, хотя сыном он ей доводился приёмным.

Через время, с японского фронта вернулся Роман. Слушая фронтовые испытания Ивана, он только вздыхал и говорил:

— В рубашке, видно, я родился. Всю войну просидел при штабе. Подчерк у меня красивый оказался. А в свободное время, нас часто бросали на станцию разгружать вагоны с международной помощью по «Лендлизу». Американцы тушёнку слали, сгущёнку, ну и еще, что в банках можно было отправить, шоколад, даже, — то, что не испортилось бы в пути. Я не могу плохо о них говорить потому, что много и часто слали. А в каждой банке, было не учтённых по две-три банки. Это и был наш праздник. Я — не голодал совсем.

Как странно. Два родных брата. А получилось «кому — война, а кому мать родна».

Роман Фёдорович, со своим красивым подчерком и умом, после войны, всю жизнь проработал бухгалтером, оставив после себя двух дочерей и сыновей. У Ивана Фёдоровича, выросли две взрослых дочери. Дожил он до пенсии, но свой последний день, прожил, как на войне.... Был жаркий июльский день. Он очень любил землю, косил. Так и ушёл из жизни с литовкой в руках.

А Роман Фёдорович и тут оказался любимцем фортуны. Только в возрасте девяноста трёх лет, он оказался хранителем земли своей родословной.

Можно было бы, и поставить и точку, над судьбами моих воевавших родственников, но со стороны моей мамы, Ивановой Клавдии, в городе Горно-Алтайске, в парке Победы, на памятнике в третьей стеле — имя её отца — Кислякова Павла Дмитриевича. На войну он ушёл по собственному желанию, находясь в должности директора хлебозавода. Пропал без вести, военные треугольники шли до 1942 года. Таких людей было много. Светлая им память.

Сарафанное радио

Событие доподлинное, более того из первых рук. 1945 год, Алтайский край, Рубцовский район, село Бобково. Время, когда не было ещё ни у кого — ни радио, ни телевидения вообще. Словом требовались сутки и более, чтобы необходимые вести привезли на гужевом транспорте в означенное место.

Поэтому когда закончилась война, жители не могли быстро узнать об этом. Конечно, никто уже не сомневался, что победа — не за горами. И вот — она случилась. Известно, что голь всегда на выдумки хитра.

И двое парней, (понятно, что имена их навсегда остались неизвестными), узнав о таком долгожданном событии, изобрели свой способ оповещения народа.

Понимая, что они первыми принесут в народ эту весть, надо было придумать способ, чтобы об этом сразу узнало множество людей и повсюду.

Один взял на себя задачу раздобыть белую простынь, а другой кинулся в магазин попросить кисть и краску. Понятно, что для такого дела, кто-то не пожалел новую простынь, а краску продавец, думается, и вовсе, дал бесплатно.

Желающих растянуть простынь на полу, нашлось много. Дрожащими от волнения руками, большими и неровными

чёрными буквами, они написали одно единственное слово – ПОБЕДА!

В первом попавшемся посёлке, после города Рубцовска, они выпросили двух молодых жеребцов и, укрепив на шестах свой матерчатый плакат, кинулись к железнодорожным путям, сообщать об этом пассажирам различных маршрутов движения.

— Я сам ехал 9 мая домой в поезде из Рубцовска до станции Мамонтово, — рассказывал очевидец, мужчина лет тридцати, — засмотрелся в окно, а там скачут двое парнишек, и держат в руках — растянутую на древках простынь. И главное, догоняют поезд, но не обгоняют. Поняв, что я смотрю в окно, развернулись к окну, и вдруг, я увидел БУКВЫ!!!

Я тут же, закричал: «Смотрите в окна!!!» И все кинулись смотреть! Что тут началось. Люди кричали и радовались! Одни плакали от счастья, другие кинулись во все вагоны, сообщать долгожданную весть. А ребяташки, поняв, что мы увидели их полотно, засмеялись и остались за вагоном.

Какой солнечный это был день! Думаю: они весь день гоняли своих лошадей, делясь общей радостью. Это ж, надо было догадаться, таким образом, сообщать всему «сарафанному радио» о Победе! Вот, ушлые пацаны. И всё, так и вышло.

Чуть позднее, в этот же день, к вечеру, все узнали подробности этого долгожданного события: и газету привезли, и руководство приезжее «на площадь» людей собирало, но эта мальчишечья выходка, действительно была самым первым её вестником. Жаль только было, что некоторые посчитали в тот день мой рассказ — выдумкой, пока не услышали подтверждение.

Это воспоминание оказалось одним из немногих услышанных мною мужских разговоров. Почему-то участники войны и другие взрослые, замолкали при детях. Видно боялись напугать нас своими военными воспоминаниями...

Интервью вне времени...

Случилась эта встреча в 1980 году. Как-то спонтанно собирала я тогда сведения об участниках ВОВ. Словно предчувствовала, что когда-то они станут крупными ушедшего времени.

Пришла, однажды, в республиканскую больницу повидаться с сокурсницей. Пообщались мы с ней, а уходя, она сказала, помятуя о моём интересе к журналистике

— Обрати внимание на рядом сидящего товарища, он, кажется, воевал. В соседней палате лежит». И пока я раздумывала: как познакомиться с участником ВОВ, с ним простились его гости, и он тоже, не спешил в палату.

Не мудрствуя лукаво, я поспешила к нему с вопросом

— Разрешите с Вами познакомиться?

Глаза пожилого человека с удивлением глянули на меня. Усмехнувшись, он предложил жестом на освободившееся место, иронично произнеся

— Если будет обоюдо-интересно. — Вскоре он понял, что я узнала о его героическом прошлом. — Для чего? — продолжил, — это было так давно, да и не для славы теперешней.

— Но придет время, и молодым станет не от кого узнавать подлинные события участников и очевидцев, — парировала я, сама удивляясь своей настойчивости.

— Вроде всё рассказал я уже, всем кто интересовался, соседям, да и так кому. Ну, да, время до ужина ещё есть, посидим, проветримся.

А, знаешь, Детка, — взяв инициативу общения в свои руки, обратился он сам ко мне. — Я примерно знаю круг вопросов твоего интереса, так что давай я просто начну говорить. А, ты не записывай. Если хочешь, запомни просто так, потому что разведчик я — Детка, бывший...

Надо ли говорить, что у меня глаза округлились.

Когда началась война, по возрасту я вышел в призывники, и попал на 4-х месячные укороченные курсы в разведшколу, которую конечно прошёл. Я не буду в подробностях рассказывать то, чему там учили. Сказать проще — вовремя обезвредить противника, умению видеть, запоминать и брать «языка», плюс проникновение на объект врага и исчезновение, «аки не было меня там и в помине». Плюс усиленная физическая подготовка.

А, ты знаешь, Детка, почему о нас не говорят. Потому что присягу в своё время давали о неразглашении, да и воинов, таких как я, мало осталось. Хотя, почти сорок лет прошло, может уже и пересмотрено что.

Знаешь, кто у меня лучший друг на войне был? – Финский нож, проще говоря – финка. Другого оружия не давали. Тебя, конечно, интересует, как я им работал. А — по прямому назначению. Кто боялся, или мешкал им воспользоваться, тот на войне и остался.

Не просто это, Детка, когда видишь перед собой фрица, и понимаешь, что он здоровее и сильнее тебя. Но у меня преимущество – он не видит меня, а я терпеливый..., и у меня получилось – и первый раз, и второй, и третий...

Когда нас формировали в группы, мы никогда не задавали вопроса — почему рядом нет того, кто был с нами вчера?

Потому что мы знали, либо товарища уже нет, либо он в другой группе, либо учит следующего.

Иногда я сам себе задавал вопрос – Кому на войне опаснее? И сам себе отвечал – всем! Пехота видит куда идёт, за ней идут другие, им, хотя бы, могут помочь, в медсанбат доставить, если жив, а нет, так как герой погиб. «Небесные крылья» тоже не дожидались своевременной помощи, если что. Морфлоту вовсе не позавидуешь. И нам – тоже ни-че-го. Нас вообще нет.... И если, товарищ тяжело ранен, то помоги ему не попасть в плен. По его просьбе...

Разве это можно забыть? Как плохое кино.... Сам не знаю,

как жив остался. Иногда, видно и мне надо выговориться, попытаться сбросить, хотя бы часть этого. Лучше пооткровенничать с незнакомым человеком, да, и то без конкретики.

И ты мне слово дай, что долго молчать будешь. Чтоб, не один я. Потом, через годы, можешь рассказать, если не забудешь. Это хорошо, что имени моего не знаешь. И не ищи, как никто не будет искать тех, кого я потерял там. Скорее всего они попали в разряд пропавших без вести.

Я часто задавал себе вопрос

— Что, если бы я нашёл причину не ходить на войну? Нет, не смог бы. Как бы я землякам в глаза смотрел? А такие тоже были. Боялись. Бог им судья. Если бы, кто знал, сколько на мне чужой крови. Но, может, простит мне Господь. Родину, людей, всё – таки защищал. Нож я свой утопил вскоре. Чтобы не было его, чтоб не напоминал он мне о той жизни. А, после войны — молчал. Многие думали, что я вообще немой.

Утомил я тебя, Детка. Это хорошо, что ты маленькая. Пора мне уходить. А жизнь пусть продолжается...

Как странно. Сегодня 2020 год. Расставшись с ним в 1980, по молодости своей, тогда пожала плечами, посчитав встречу неоконченной и незавершённой. И, вот прошло 40 лет. Неожиданно и мгновенно, эта незавершённость и вся неопределённость интервью исчезла, и «всё встало на круги своя».

Я действительно вспомнила, как он того хотел. Особенно слова: «Потом, через годы».... Как прорвало его тогда. Всё выполнила, хотя странно, что действительно плохо помню его внешность. Так он и остался в общих чертах — слегка седоватый, постаревший, среднего роста человек в больничной одежде. Без имени...

И ещё, не забывается: в селе Майма, в организации «Передвижной механизированной колонны», коротко, «ПМК – 190», в 1972 году и далее, трудился – Игорь Константинович Семеновский, фронтовик – работавший начальником отдела кадров. Он был ещё и хорошим парторгом, и просто замечательным человеком.

К нему в кабинет всегда шли люди со всеми нерешаемыми проблемами. А коллектив был большой. Игорь Константинович был очень порядочным, его уважали и ценили простые рабочие. К сожалению, за излишней скромностью этого человека, для нас всегда оставалось тайной: за какие заслуги его грудь украшала заслуженная награда.

Татьяна Кульбеда

Кульбеда Татьяна Владимировна, учитель, с 2005 г. по 2020 г. — директор музея Камня в с.Майма, в настоящее время — хранитель и экскурсовод.

В направлении краеведения идет большая исследовательская работа по истории и культуре Майминского района, при помощи музея подготовлены к изданию и вышли в свет книги: В.Г.Софронова «Очерки по истории Майминского района», 2004 г., альбом Республика Алтай. Майминский район, 2007 год; Альманах «Тридцатое октября», памяти жителей села Маймы — жертв политических репрессий; Э.Г. Казанцева — Большакова «О майминцах — с любовью, 2007 год».

Музей проводит выставки по истории села и района, истории Алтайгео, выставки народно-прикладного творчества и ежегодно 3-4 выставки профессиональных художников Горного Алтая.

Владимиру Ивановичу Васильеву посвящается

*Отец не встретит
 этой славной годовщины,
Победу славил только 28 лет.
Пешком до Бийска, в 41-м
 — не было машины
И так до самой Праги,
 в вареве отваги
Родной наш, очень скромный человек.*

*В семнадцать лет он, с Горного Алтая,
Познал, что не познаешь и за век,
Спасал от смерти на переднем крае,
На Первом Украинском,
 устали не зная,
Бойцов советских, сотни человек.*

*Не расспросили мы тебя с Сережкой,
Коммед аэрофлота, адъютант,
А в книге Чойской вписано лишь строчкой-
«С войны вернулся старший лейтенант».*

*Другие ветераны как отцы нам.
Мы чтим их за Победу в той войне.
А Вам, ушедшим рано ветеранам,
За подвиг воздается всё вдвойне.*

Майма военная

*Майму довоенную помним счастливую,
С вечёрками, пляской и свадьбой лихой.
Все ждали от жизни чего-то красивого
И не помышляли о доле такой.*

*Пололи картошку они в воскресенье,
И вдруг стало шумно на главной «соше».
Машины, подводы и снова машины...
Такого ещё не бывало в Майме.*

*Война! И осели на лавки хозяйки,
На миг, ослабевши от горя и слёз,
Не веря, бежали к крылечку соседки
Проверить, война – это правда, всерьёз?*

*И как-то, куда-то ушло оно сразу:
И женское счастье, и жизни остов.
Осталась лишь воля и в зной, и в морозы
Работать в колхозе за всех мужиков.*

*Одна трактористка, а эта шофёрка,
Соседка в артели «Искра» форму шьёт,
А в лунную ночь «все быстро на горку
Копать под посевы!» — начальник пошлёт.*

А детки всё ждали весны возвращения —
На гору за ягодой, травкой – поесть.
Тот голод военный до изнеможенья
Довёл всё село. Чья была эта месть?

На каждую весточку все собирались
В тот дом, куда утром прошёл почтальон.
Читали, рыдали и снова читали
Письмо от солдата, далёконько он.

А в школе все ждали большой перемены.
Учитель на противне хлеб выносил —
Кусочки с ладошку, но вкус был отменный
Хлеб чёрный, военный, дающий им сил.

Майма ты, военная, непобедимая,
С натруженной и терпеливой судьбой,
С налогами, займами, Богом хранимая,
К Победе стремилась с Великой страной!

Николай Воробьев

Воробьев Николай Меркулевич родился в поселке Алтайском Алтайского края в 1947 году.

Два года учился в СПТУ поселка Алтайский. Работал трактористом в совхозе «Карымский». В армии служил на Дальнем Востоке, заочно окончил военкоровскую школу при армейской газете. С 1971 года работал в Шебалинской средней школе преподавателем машиноведения и НВП. Окончил заочно Барнаульский индустриально-педагогический техникум, а позднее филологический факультет Горно-Алтайского пединститута.

С 1973 года и по сей день живет в Манжероке.

Николай Меркулевич — автор книг: «Ах, как не вспомнить годы детства», «Катунь – река моя», «Святое дело Победы».

Член-корреспондент Петровской академии наук и искусств.

75 лет Победы

*75 лет Победы
Празднует вся страна.
Нашим отцам и дедам
Кровью далась она.*

*Длился тот бой очень долго,
Не было схваток длинней,
Шли до Берлина от Волги
Более тысячи дней.*

*И победили фашистов,
Поверженный пал Рейхстаг,
Взвился под небом чистым
Советской державы флаг.*

*Нельзя забывать героев,
Что в битвах неравных легли,
И тех нужно знать и помнить,
Победу что нам принесли.*

*Так будем героев достойны,
Все силы приложим свои,
Чтоб новые, страшные войны
Не тронули русской земли!*

Замрёт Россия вдруг на миг

*Замрёт Россия вдруг на миг
Под звуки колокольных звонов,
Когда последний фронтовик
Уйдёт из жизни с тихим стоном.*

*И унесёт он навсегда
Былых событий факты, даты,
Но не забудет никогда
Народ всех подвигов солдата.*

*А потому героям жить,
И мы должны их вечно славить.
Заслуги их нельзя забыть
И для истории убавить...*

Из выступления в день Победы:

*Спасибо Вам, ветеранам седым,
Героям войны и труда,
Спасибо Вам, немощным, слабым, больным,
Но, всё же, пришедшим сюда.*

*Всё дальше уходим в историю мы,
Событий нельзя тех забыть,
Всё меньше в селе ветеранов войны,
Но мы будем свято Вас чтить.*

*Живите подольше в тепле и покое,
Пусть счастьем Ваш полнится дом...
Ещё раз за всё, Вам, спасибо большое.
Спасибо и низкий поклон...*

Даль памяти

*Война мировая, вторая,
Уже отгремела давно.
И я о тех ужасах знаю
Не только из книг и кино.*

*Родившись поздней Дня Победы,
Среди ветеранов я рос,
Не раз с ними в поле обедал,
Когда начинался покос.*

*Выслушивал много историй,
Событий их дел фронтовых,
Готов с кем угодно поспорить
В правдивости фактов былых.*

*Немало годков пролетело,
И я уже в возрасте, дед,
Победы святейшее дело
Не сгинет под тяжестью лет.*

*Я помню из жизни солдатской
Картины рассказов отца:
Сухарь, разделивши по-братски,
Смертельного ждали конца.*

Их ночью морозною с другом
Овчарка в воронке нашла,
И санитаров сквозь вьюгу
На помощь она привела.

Да, сколько различных историй
Узнал я от бывших солдат!
И это чего-нибудь стоит,
Без меры я этому рад.

И буду стараться, конечно,
Что знаю – другим рассказать.
История тянется вечно,
Её надо помнить и знать.

Алексей Гаев

Родился в 1955 г. в селе Парамоново, Орловской обл. в 1973 г. Окончил общеобразовательную и художественную школы параллельно.

Служил в рядах Советской Армии, учился в Орловском художественном училище. С 1980 г. живет на Алтае, в с.Союзга.

Поэтические сборники: Избранные стихи, Казачий круг, Собрание стихотворений в трёх томах, четырёх книгах, «Нежное дыхание свирели»; печатался в сборниках литературного объединения «Лира»: «Дороги солнечная нить», «Мы приходим на Землю».

Работал преподавателем изобразительного искусства в детской школе искусств с. Майма.

ПАРАД ПОБЕДЫ!

(героическая баллада)

1

*Гимнастёрки полей порыжели.
Звёзды в небе – награды солдат,
Заслонивших Россию у Ржева,
Отстоявших Москву, Сталинград!..
В очи смерти взглянув,- неужели
Вышли вы на Победы Парад?!.
Да, Победу добыть вы сумели,
Чтобы Родины цвёл майский сад!..*

2

*И стоят фронтовые колонны!
Души павших – взирают на вас...
Всем героям, войной опалённым,-
Сладок славы торжественный час!..
А штандарты врагов вероломных –
Бросят к стенам кремлёвским не раз...
Рокоссовского, Жукова кони –
По брусчатке ведут перепляс!..*

3

Все – от маршала до рядового –
Вы едины, как были вчера!
И над Красною площадью снова
Перекатами мчится «Ура!..»
И салют загрохочет сурово,
Будто гроз наступила пора!
И Победа, священное слово, –
Станет красками радуг играть!..

4

... Сколько лет пролетело, уплыло...
Вас всё меньше, войны той солдат...
Но не гаснет победная сила,
Вдохновляя подросших ребят!
... В майский день, от цветов белокрылый, –
Благодарной любви светел лад!..
Не забудем вовек то, что было!..
Честь и совесть – нам помнить велят!..

ЮРИЙ ГАЕВ

(20 октября 1949 г. – 21 ноября 2016 г.)

Творчество поэта Юрия Алексеевича Гаева являет собой синтез классического формообразования и неповторимых по новизне, смелости и глубине философских и мистических откровений!.. Ярок образный строй стиха, в который вплетаются чисто живописные узоры! И, конечно, потрясают искренность и любовность духовного и мыслительного песнопений, заколдовывающих музыкальностью ритмов звучания поэтической речи!..

БЕССМЕРНЫЙ ПОЛК

*Над страной проплывают – лики вечных утрат,
Волны Памяти, Горя и Боли...*

*Будто ожили вновь миллионы солдат
В гимнастёрках с разводами соли...*

*На картонных хоругвях – лики новых святых,
Дух Победы – Любовью пронизан...
Внуки держат портреты, кто-то –
даже триптих...*

Продолжение жизни. Продолжение жизни...

*Каждый воин с портрета – не ушедший солдат:
Воскресенье – Победа над смертью!
Каждый воин с портрета – бессмертен и свят...
Жизнь страны – Духом Жизни измерьте!*

*Кто сегодня в священном потоке идёт?..
Молодые, совсем молодые...
Возродилась страна! Возродился народ!
Крестный ход! С Днём победы, родные!*

Юлиана Семенцова

Я родилась летом 1976 года в г. Душанбе, в Таджикистане. С 1992 года живу на Алтае. Закончила музыкальное училище в Бийске, музыкальный факультет Бийского педагогического института, а потом Институт культуры и искусств в Барнауле. Работаю в музыкальном колледже г. Бийска. Работу свою люблю до такой степени, что в 2011 году аж стала лауреатом Краевого конкурса «Лучший работник культуры года» в номинации «Лучший педагог».

Но люблю я не только работу, конечно. У меня прекрасная семья, удивительные друзья и довольно разноплановые творческие интересы.

Стихи пишу лет с пятнадцати. А в конце девяностых родился совместный творческий проект с художником Алексеем Дмитриевым (г. Горно-Алтайск), который мы представили в нескольких городах в форме выставок (картины + стихи).

Своей главной творческой деятельностью считаю жизнь во всех её проявлениях, а основным объектом внимания в настоящее время – счастье в предлагаемых обстоятельствах. Считаю, что оно – дело рук (мозгов, души и т.д.) самого человека. И всем его желаю.

Битва

*Ум делит мир на тьму и свет,
И там, где их пересечение,
Спокойствия и мира нет,
Лишь постоянные сраженья.*

*Как эту битву объяснить? –
Сама с собою бесконечно
Воюет смерть за право жить –
Мир соткан из противоречий.*

*Конечный пункт у всех один,
Хоть каждый чтит своих кумиров,
Но, не вместивший половин,
В душе не обретает мира.*

Вера Ленская (Арляпова)

Арляпова (Ленская) Вера Ивановна родилась в 1975 г. в шахтёрском посёлке Акташ Улаганского района, Республики Алтай.

После окончания школы в 1992 г. поступила в Горно-Алтайский педагогический колледж. Получив диплом учителя начальных классов, учителя русского языка и литературы, продолжила обучение на филологическом факультете ГАГУ. Во время и после учебы два года работала учителем в селах Тихонькая и Верх-Уймон Усть-Коксинского района. Затем восемь лет являлась воспитателем Акташского детского дома, одновременно – корреспондентом районной газеты «Улаганцы-солдаты». После ликвидации детского дома была назначена на должность главного редактора районного издания.

Смена власти повлекла за собой перемены в трудовом пути и в жизни. Некоторое время работала оператором АЗС, обозревателем газеты «Листок». Занималась экскурсионной туристической деятельностью при туристической базе «Кочевник».

В 2012 году с детьми переехала в Горно-Алтайск.

Увлечения: народное пение, плавание, велосипед, рукоделие.

Мечта: построить собственный дом.

Был в сорок первом призван на войну
 Туринским ГВК, Ойротской области.
 Ушёл на фронт, чтоб защитить страну,
 Которой оставался шаг до пропасти.
 Вдали от дома, на чужой земле
 Он бил врага, что был десятым, сотенным
 В жестоких схватках, яростном котле
 Стоял солдат, освобождавший Родину.
 И не дожив до возраста Христа,
 Пал смертью храбрых,
 смелый и отчаянный.

Он был одним из тысячи, из ста,
Кто пал в бою душою неприкаянной.
С тех пор прошло-минувло много лет.
Покой и тишь над братскими могилами.
Для них давно зажжён нетварный свет,
Вот только бы увидеться с любимыми!
В иных мирах возможностей не счесть,
А на Земле святая память множится,
Ведь память для потомков – это честь,
Сокровище великого подножие.

А я хочу, чтоб не было войны

(Песня написана совместно с сыном Иваном Арляповым)

*Плывут-плывут стальные облака
Под куполом небесным голубым.
С вершины снежной горная река
Несётся буйно к соснам молодым.
В ней – сила жизни для родной земли,
И мудрость неба, и сиянье звёзд,
А я хочу, чтоб воды унесли
Печаль беды и море женских слёз.*

*А я хочу, чтоб не было войны,
Чтоб дети не пугались страшных снов,
Желаю мира для своей страны,
Счастливых матерей, живых отцов.*

*Служили деды, и отец служил,
Ещё не стихли боли от потерь.
Я мать в письме из армии просил:
«Войны не будет, милая, поверь!»
Пусть горы берегут покой и сон,
И пусть сестрёнка на плече сопит.
Врагу наш мат суровый припасён,
Ведь армия российская не спит!*

А я хочу, чтоб не было войны,
Чтоб дети не пугались страшных снов,
Желаю мира для своей страны,
Счастливых матерей, живых отцов.

Над миром пролегла ночная тень,
И кровью вновь удобрена земля,
А ты, Россия, встретишь новый день,
Разбудишь васильковые поля.
Стальные облака опять белы,
Слезам нет места в маминых глазах.
Сыны Алтая, горные орлы
Несут достойно службу на постах.

А я хочу, чтоб не было войны,
Чтоб дети не пугались страшных снов,
Желаю мира для своей страны,
Счастливых матерей, живых отцов.

Борис Семенов

Родился: г. Горно-Алтайск, 1949 г.

Учеба: средняя школа № 1, музыкальная школа (г. Горно-Алтайск, 1956-1966 гг.), геологический факультет Иркутского государственного университета им. А.А. Жданова (1966-1971 гг.).

Работа: геолог на геологической съёмке и поисках месторождений полезных ископаемых в Забайкалье, Северном Прибайкалье, Центральной и Западной Монголии, Горном и Монгольском Алтае. В том числе – на крупнейших месторождениях: Каракульском — кобальта, Калгутинском — медно-порфировом, Асхатингольском — серебра, Любушкинском — ювелирного кордиерита в период 1971-2001 г.

Автор свыше 200 отчётов по инженерно-геологическим изысканиям для строительства новых зданий и сооружений в РА, Алтайском крае, Кемеровской области в период 2003-2011 гг.

Награды: «Победитель соцсоревнования 1977 года», «40 лет геологической службы Монголии», «Отличный геолог».

Творчество: автор изданных трудов «Крупнейшие месторождения Горного и Монгольского Алтая» (2011 г.), «Истории Чайного Клуба» (2014 г.), «Геология Алтая (специальные и нравственные аспекты)» (2017 г.), диски гитарных песен «Калгутинское лето» (2014 г.) и «Пролетают снега» (2016 г.). Несколько небольших статей геологического содержания было опубликовано в бюллетене «Природные ресурсы Горного Алтая» периода 2004-2010 гг.

Несколько стихов и небольших эссе опубликовано в книге «Дороги солнечная нить», 2018 год.

Семья = 40 лет: жена, трое детей, проживающих и работающих в Москве, Томске, Бийске.

Стихи и проза о войне 1941-1945 гг.

Почему я не могу сочинить произведение о Великой Отечественной Войне 1941-1945 гг.? Да потому что в моей памяти звучит выступление одного из ветеранов Великой Отечественной Войны на первом (подчеркну – первом) митинге в честь Победы, происходившем уже не в СССР – но в РФ во время правления бэ. Ельцина.

Сам митинг «катился по накатанной колее»: солдатский караул около Памятника, речи: командира воинской части, председателя сельсовета... Слово предоставляется одному из ветеранов Великой Отечественной Войны – опустим его фамилию из соображений по невозможности разглашения персональных данных.

Сняв поношенную шапку и помяв её в руках, он, в конце концов, сказал:

— Страны, за свободу и счастье которой мы сражались, сейчас не существует. Чего и праздновать-то!

Он надел шапку и пошёл вдоль по ещё широкой тогда улице геологического поселка... одинокая долговязая фигура...

Эта вот фигура и не позволяет мне думать о Великой Отечественной Войне, как части истории Российской Федерации, героями которой ныне являются убийцы Каппель, Деникин и адмирал Колчак, предатели-фашисты Солженицын и генерал Власов...

Не позволяет – и всё тут.

Вот уже и в Конституционном Суде РФ заговорили о том, что РФ не должна считать себя преемником СССР, преемником ужасов большевизма. Вероятно, Конституционный Суд РФ считает историю РФ в следующем виде: от Рюрика до 1917 года и после 1991 года, а период 1917-1990 гг. определяет в ранге «большевистской оккупации». Наверное, вскоре Конституционный Суд РФ произведет в герои Хитлера нашего Адольфа – первейшего борца с большевизмом, с коммунистической заразой!

Не позволяет – и всё тут!

Семенцов Б.Г., человек.

Проза войны

Встреча на Эльбе

(Из военно-записной книжки моего отца.

Анекдот али быть?)

Я немного добавил: описание природы и детали быта

Встретились на Эльбе солдаты Красной Армии и американские солдаты... союзники... Чистая травянистая поляна на берегу реки, окруженная прибрежными кустиками и деревьями. Погодка была и вправду праздничная: ослепительно-синее небо и яркое Солнце – под стать радостному настроению собравшихся...

Из леса выглядывает несколько танков Т-34 – стволами пушек на запад, на запад стволами. Потрепанный «виллис», на котором приехал майор – комбат Красной Армии... несколько новехоньких американских «доджей», на которых к месту встречи явились американские военные – майор и десяток рядовых...

Посидели, выпили водки и виски за победу, за дружескую встречу союзников... за президента Рузвельта и генералиссимуса Сталина...

После третьей перешли к более обыденным темам.

Американский майор говорит нашему майору (через переводчика, естественно):

— Скажите мне, пожалуйста, почему русский человек – справив большую нужду – встанет и обязательно оглянется?

Наш майор от удивления выпучил глаза. Он и не подозревал о столь подробном знании американцами элементов интимной русской жизни.

— Иван! – крикнул он ординарцу — Ко мне!

Ординарец мигом подбежал:

— Слушаю, товарищ майор!

— Иван, — сказал русский майор — Вот, американский майор хочет с тобой побеседовать.

— Рус Иван», — сказал американский майор — Вот тебе 10 долларов. Сходи во-он под тот кустик и справь большую нужду.

Ординарец офигел от услышанного и недоуменно посмотрел на нашего майора...

— Сходи, Иван, раз союзник просит.

Пошёл Иван под куст, справил большую нужду, встал ... и оглянулся...

— Ива-а-ан! — голос русского майора прозвучал, как рёв паровой сирены.

— Слушаю, товарищ майор! – отвечал враз подбежавший ординарец.

— Ты почему, сукин сын, встал и оглянулся?

— А я, товарищ майор, посмотрел: хватит ли этому американцу на 10 долларов или еще добавить!

Семенов Б.Г., человек.

Надежда Кетрарь

Родилась в 1987 г. в с. Кызыл-Озек, в простой рабочей семье.

Окончив школу в 2005 г, поступила в Горно-Алтайский государственный университет на биолого-химический факультет. В 2010 г. закончила, получив специальность — биолог. В настоящий момент воспитывает четырех детей.

Печаталась в газетах «Сельчанка», «Звезда Алтая», «Листок».

Несколько стихов вошли в третью часть сборника авторов рунета – Новый Автор. Одна из авторов сборников: «Дороги солнечная нить», 2018 г; «Мы приходим на землю», 2019 г.

Бессмертный полк

Тысяча тысяч лиц
Вместе в бессмертном строю,
Тысяча тысяч лиц
Рядом с живыми встают.
Тысяча тысяч имён,
Что не вернулись домой.
Тысяча тысяч имён —
Ранен был или живой.
Тысяча тысяч лиц —
Памяти прошлого след.
Тысяча тысяч лиц
Прадед, отец или дед.
Тысяча тысяч имён
В людях, живущих сейчас.
Тысяча тысяч имён:
Пробил их памятный час!

Смертельно раненный солдат

*Лежал он, умирая у дороги,
Смертельно пулей раненный солдат.
Таких, как он в тот вечер было много –
Молоденьких неопытных ребят.*

*Их первый бой для них же стал последним –
Сказался явный перевес врагов.
А радовались снегу лишь намеренно,
Их смерть пришла в день светлый –
на Покров.*

*Он умирал, а в памяти остались друзья,
За верность им спасибо всем,
Жена Танюша (вспомнил, как расстались),
Сынишка, махонький ещё совсем.*

*И он сказал: «Как говорили деды:
«Пусть не сейчас, быть может, через год,
Одержим мы над недругом победу,
И мир в наш беспокойный край придёт!»*

*Пусть время обо мне потом напомнит,
Умру я, не жалея ни о чём,
И, может быть, когда-то внуки вспомнят
За рюмкой и за праздничным столом».*

Людмила Гришка

Людмила Гришка — поэт-прозаик. Разносторонняя натура; любит природу, музыку, живопись. Мастер корневой скульптуры-корнепластики и авторской куклы.

Участник Республиканского фестиваля поэзии, конкурсов, выставок. Печаталась в местных изданиях: «Листок», «Восход», «Родина». В сборниках: «Созвучье слов живых», «Мультинские встречи», «Дороги солнечная нить» ; автор сборника стихов и рассказов «Подниму тихонечко завесу...».

Член Петровской Академии наук и искусств.

День Победы

*Над звездами алыми пламя огня,
На гранитной плите имена.
Скорбь коснётся слезою тебя и меня —
Не забыта сегодня война.
Всюду люди победные песни поют,
Духовые оркестры гремят,
Шаг чеканят по площади вместе в строю
Ветеран и парнишка-солдат.
Сердце помнит, хранит лихолетия дни,
Боль утрат и Победы салют.
И герои, отлитые в сталь и гранит,
Часовыми над миром встают.
Они вместе с живыми один раз в году:
Сыновья, жёны, матери, деды,
Прошагают в огромном
Бессмертном полку
В день Великой и Славной Победы.*

ВРАГИ НАРОДА

Шла война. Приближалось первое сентября — ответственная школьная пора.

Пашкина сестра, Тася, была старше своего брата на год и собиралась пойти в первый класс. Брат с сестрой были настолько неразлучны, что мать попросила директора школы взять Павла обучаться на год раньше, чтобы дети учились в одном классе. Павлик был смыслёный и способный к обучению. Он так хотел учиться, что узнав о разрешении ходить в школу вместе с Тасей, подпрыгнул до потолка. Жили Егоровы в далёком сибирском угольном разрезе, в небольшом рабочем посёлке. В семье было восемь детей у одной матери. Отца Пашка не помнил, и мать о нём никогда ничего не говорила.

День первого сентября был ясный, и брат с сестрой, с букетиками цветов из домашнего палисадника, отправились в школу. За парту их посадили вместе, на переменах ребяташки обменивались впечатлениями о первых уроках, а Пашка познакомился с новыми друзьями.

Прошла первая школьная неделя. Учиться ребятам очень нравилось, несмотря на то, что учебники и прописи были одни на двоих. В стране шла война с фашистской Германией, многого не хватало, и был страшный голод, даже в деревнях. В школах было решено выдавать детям паёк. Каждому ученику младших классов положено было один раз в день пятьдесят граммов чёрного хлеба и два раза в неделю по чайной ложечке сахара. Когда приступили к раздаче хлеба, то всех учащихся построили в зале на линейку. Трёх детей: Павлика, Тасю и Мишку Головатого вывели на середину зала и заставили стоять до тех пор, пока всем, по списку не раздают хлеб. Директор школы объявил, что этим трём ученикам паёк выдаваться не будет. Не положено! Так как они — дети врагов народа! Пашка стоял посреди зала, крепко сжимая

руку сестры, опустив низко голову, и его плечи тряслись от беззвучного плача. Тася же плакала вместе с братом от сильной боли в руке и от непонимания, за что им дано это наказание. И только Мишка, набывчившись, исподлобья взглядывал, как голодные дети с жадностью проглатывают желанный кусочек хлеба. Он учился в четвертом классе, и терпения у него было больше, поэтому в нём уже зарождались другие чувства, от которых он, стиснув зубы, крепче сжимал кулаки. Придя домой, после школы, Пашка с Тасей наперебой стали рассказывать матери о случившемся. Пашка в слезах тормозил её и спрашивал:

— Мама, мама, а кто такой этот враг народа?

Она с трудом, как могла, объясняла, что всё это неправда, что это ошибка и никакие они не враги народа. А ночью, дав волю слезам, стояла на коленях у икон и, обращаясь к Богу, спрашивала:

— Господи, помилуй деток моих! В чём их вина? Они ведь даже не помнят своего отца. Разве они — малые крохи могут держать ответ за него? И его вины нет никакой, Господи! За свой каждодневный, непосильный труд, за хозяйский подход к жизни, за желание не пропить, а преумножить заработанную копейку, за ответственное отношение к судьбе своих детей — за всё это он оказался врагом народа. Господи, вразуми людей, не ведающих, что они творят! Какой же спрос с малых неразумных детей? Прости, Господи тех, кто такое мог допустить...

До самого утра обессиленная женщина не сомкнула глаз, вспоминая свою нелегкую женскую судьбину и то, как осталась с семьёй детьми на руках, когда забрали её мужа, которого по подлему доносу обвинили в антисоветских разговорах. Пашка тогда был в утробе своей матери и родился уже без него.

Назавтра утром мать, поднимая детей, поторапливала их, но Пашка наотрез отказался идти в школу.

— Я не хочу быть врагом народа! Врагов — фашистов бьют на фронте, а я не фашист! — и он опять расплакался.

Мать уговорила его, что в школу надо ходить несмотря ни на что, чтобы быть грамотным и уметь за себя постоять и защитить своих близких, если они правы. В школе началась травля. Мало того, что каждый день «враги народа» публично стояли в центре зала, так их стали дразнить дети, сопровождая выкрики тумаками. Пашке ничего не оставалось, как давать сдачи, но драться приходилось и за себя, и за Тасю. Мать вызвали в школу. Сначала её отчитал директор школы, сказав, что она воспитывает подрастающих преступников, и с особым наслаждением несколько раз акцентировал «отродье врага народа». Затем мать пригласила на беседу учительница детей – Доминикана Францевна. Она была эвакуированной из Москвы. Немолодая женщина с очень грустными глазами и тихим, ласковым голосом. Мать рассказала, что одна воспитывает восьмерых детей, и ей приходится очень трудно.

На следующий день, после линейки Доминикана Францевна подозвала к себе Пашку и Тасю. Они уединились в небольшом закутке школы и, развернув носовой платок, она достала кусочек хлеба. Разломив пополам, сунула его детям в рот и строго-настрого наказала никому об этом не говорить. Так продолжалось до самой Победы. Доминикана Францевна кормила детей, отдавая свой паёк, а сахар они уносили в тряпочке домой, чтобы на праздник Пасхи мама смогла испечь хоть что-то похожее на кулич. И, когда наступила Пасха, то в мир измученных войной детей, пришла Победа.

Прошло много лет. Павел и Таисия выросли, стали большими людьми, но всю жизнь они вспоминали этот маленький кусочек хлеба, деленный на двоих милосердной рукой их учительницы. Да, война ожесточила многие людские сердца, особенно тех, кто бились с фашистами на передовой, но до какой же степени нужно было быть жестоким там, где не было пороха, чтобы издавать указы – морить детей! Много ли было сэкономлено на крохотном кусочке хлеба для ребёнка? И кто, на тот момент был бОльшим врагом народа – маленький плачущий мальчик, не знающий отца, или тыловой

дядя, раздающий подобные распоряжения.

Прошла война, но не прошла обида в сердце человека, напрасно обвинённого в том, о чём он даже не знал. Павел через всю жизнь пронёс уважительное отношение к хлебу и, со слезами на глазах, рассказывал об этом своим внукам. Часто бывая в Москве, по роду службы, он всегда навещал свою первую учительницу Доминикану Францевну, преподнося огромный букет цветов и, аккуратно завернутую в подарочную бумагу буханку хлеба. Это продолжалось до самой её кончины. А праздник Великой Победы у Павла всегда ассоциировался с праздником Светлой Пасхи, там была мама и, испечённый румяный кулич.

ПОЮЩАЯ ЛЁТНАЯ ЭСКАДРИЛЬЯ

О небе ясном и большом они мечтали.
И ночи напролёт во снах летали.
Мечта жила в сердцах парней,
и к ней стремились,
Грызая науки лётной сталь, они учились.
Но в юность ворвалась война. На эшелонах,
Да в переполненных на фронт везла вагонах.
Распределили пацанов по эскадрильям
И там, как нужно бить врагов, их научили.
А между вылетами в бой, ребята пели.
Таланты к музыке живой они имели.
Баян, гитара, и дутар слились оркестром.
Им дирижировал герой – майор «Маэстро».
И не было в тот миг войны, но был концерт.
Звучали песни всей страны — СССР.
А командира своего все звали «Батя».
Они старались на него в бою ровняться —
На фюзеляже в два ряда сверкают звезды
За каждый сбитый «мессершмитт»
в сражение грозном.
В минуты скорби от потерь молчал сурово
И говорил своим бойцам такое слово:
«Всё приходяще в этой жизни, быстротечно,
Лишь только музыка души бывает вечной!».
И над обломками берёз, и над полянкой
Летела, трогала до слёз солдат «Смуглянка».
И, вновь, взмывали над землёй стальные крылья...

Там «старики» ходили в бой, все «АС»-ы были.
Свинцом и песней в вышине врага крушили,
За то, чтоб мир был на земле и мы в нём жили.
Героям травы пусть шумят под небом чистым,
Гвоздики алые горят у обелисков.
Чтоб память добрую о них всегда хранили,
И в мирном небе облака куда-то плыли.

ДРОБУШКИ

Ноябрь 1941 года оказался снежным и морозным. На окраине небольшого алтайского села «Берёзовка» стоял занесенный по крышу маленький домишко. Метель разгуливала по степным просторам, яростно заметая дороги улицы. Ветер с силой бросал комки слипшегося снега в крохотное окно землянки. Они со стуком прилипали к стеклу, и всё оно было закрыто белой завесой. От догорающих углей в печи слабо проглядывали жёлтые блики света. Ночь подходила к концу, но до рассвета было ещё далеко. Это была ноябрьская сибирская ночь, самая длинная и бессонная для Ольги и Алексея. До разлуки оставалось несколько часов.

Рядом на кровати, стоявшей у печки, безмятежно посапывали разрумянившиеся от домашнего тепла мальчишки. Сане было пять лет, а Георгию три года. Они были далеки от родительских забот и как ангелочки улыбались, летая, в своих радужных снах. Алексей присел на корточки у кровати сыновей, поправил сползшее одеяло и долго смотрел на них, стараясь плотнее заполнить свою память драгоценной картиной спящих потомков. Ходики, висевшие на стене, в проёме между двумя окошками, мерно постукивали, неумолимо отсчитывая время, приближающееся к рассвету. Ольга поднялась с кровати и присела рядом с мужем. Она гладила его голову, лежащую на краешке кровати детей, и слёзы крупными каплями стекали с её щёк.

— Не плачь, прошептал Алексей, прижимая к себе жену, — я обязательно вернусь. Детей береги и себя, жалко, что дочка без меня родится.

К лету Ольга с Алексеем ожидали прибавление и очень хотели, чтобы была девочка. Алексей вышел из дома и скоро вернулся с охапкой дров. Заправил печку, приговаривая:

— Вот растоплю печь напоследок, чтобы часть тепла моего осталась с вами и грела вас, мои родненькие, в любые холода.

Оля хлопотала у стола, готовя завтрак. К утру буран утих, и потянуло на мороз. Алексей оделся, отгрёб снег от дверей и, заходя в дом, сказал:

— Ну, вот и всё. Пора!

Они стали собираться, одевать детей и вскоре вышли на улицу. Понемногу начало светать. По всей улице лаяли собаки и кое-где были слышны крики и плач. Отец Алексея подогнал лошадь, запряжённую санями, мягко устланными свежей соломой. Там же лежало два овчинных тулупа, для утепления. Алексей помог сесть Оле, усадил детей, забросил вещмешок и запрыгнул сам. До районного центра было около семи километров. Лошадь шла тяжело по убродному снегу. Оля очень беспокоилась, чтобы не опоздать, и сама себя ловила на мысли, что лучше бы опоздать, лучше бы всё изменилось, лучше бы всё вернуть на свои места. Война. Какое страшное слово! Оно стучало в висках, разламывая голову болью. Болью за всё: за детей, за мужа, за Родину, за саму себя. Что теперь будет? Сколько она ещё продлится, и кто в этой войне останется жив? Сегодня она провожала на фронт своего единственного и любимого мужчину, своего мужа, Тараканова Алексея Ивановича. Пять лет счастливейшей семейной жизни с ним стрелой пролетели в памяти...

Оля была единственной дочерью у родителей и сестрой у шести братьев. Для матери она была главной помощницей. Маленькая, хрупкая, с тонюсенькой русой косичкой, но проворная и очень старательная; и на подворье, и в поле, и на огороде – всюду успевала. Она была любимицей у многочисленной семьи, в которой все звали её ласково — Олечка. И, вдруг, как снег на голову – сваты на порог! По старинке, родители Алексея – Иван Тихонович и Акулина Ивановна уже приглядели для сына жену, а для себя невестку. Но родители Оли не хотели отдавать единственную дочь, как руки бы лишились! Однако, на спрос она ответила согласием и ничего тут уже не поделать. Не стал глава семьи Федор Федорович противиться дочериному счастью, а мать — Ульяна Семёнов-

на горько залилась слезами.

Алексей был старше Олечки на пять лет. Первый парень на деревне, грамотный — с восьмилеткой и школой механизаторов. Красивый, чуб волной, и ростом и статью — всем вышел. От девчат отбоя не было, но Алексей был серьезным парнем и верил в свою судьбу. Только не думал он, что всё случится так неожиданно быстро.

На вечёрки, когда у сельского клуба собиралась молодежь, он ходил не часто, зато очень любил заниматься техникой. Олечка тоже почти не ходила на вечёрки, но плясунья была знатная. В один из вечеров, когда в клубе гармонь заливалась «комаринской», Олечка «дробушками» и вызвала на круг Алексея. Это было их первое знакомство и, хотя он никогда не выходил на круг, тут устоять не смог, уж больно понравилась ему разрумянившаяся, светлая девушка. Он проводил её домой, но об ухаживаниях даже и не подумал: маленькая ещё, пусть подрастёт. Но отец сказал сыну:

— Пока расти будет — другой кто-нибудь уведёт, а лучшей хозяйки тебе не найти. Так вскоре сосватали невесту.

Он стал её первой и единственной любовью на всю жизнь. Через два года, после свадьбы, у них родился первенец — Александр, а ещё через два — Георгий. Жила молодая семья дружно, в любви и достатке. Как же теперь без мужчины в доме? Такое хозяйство завели, дом новый ставить задумали. Оля сильнее прижалась к мужу, когда впереди стали видны столбики дыма над печными трубами районного центра. Вся округа у сборного пункта военного комиссариата была заполнена людьми, лошадьми и машинами. Стоял гул от стонов, плача, всхлипываний и причетов. То жалобно, то захватски играла гармонь.

2

Алексея провожала многочисленная родня, те, кто смог добраться до района. Он не спускал с рук Саню, а маленький Георгий боязливо оглядывался по сторонам, крепче прижимаясь к матери. Оля неотрывно смотрела на мужа, стараясь

покрепче запомнить его лицо. В её сознании никак не укладывалось, что домой она вернется одна и от этого хотелось просто выть, но она сильнее сжимала губы, а неуёмные слёзы лились ручьями.

— Береги себя, сынок,- шептала, наклоняясь к груди Алексея его мать. Она крестила его дрожащей рукой, приговаривая: «Храни тебя Господь! Пиши нам весточку».

Отец, хоть и старался изо всех сил держаться, но чувство гордости за сына, сейчас перебивало другое чувство – жалости и безысходности. Стиснув зубы, собравшись с силой духа, он сказал: «Тебе есть за кого драться, сын. Нас много у тебя, а ты у нас один. Не оробей в лихую минуту, будь сильным, сынок» — и, сквозь комок, подкативший к горлу, добавил: «И живой!..»

— По машинам!- раздалась команда офицера, и волна плача и причитаний вырвалась наружу, разбив самое крепкое людское самообладание. Алексей целовал Олины мокрые от слёз щёки и красные от морозца мордашки детей.

— Олечка, я люблю тебя, береги детей! Сашка, помогай матери, а ты, Юрка, расти большой и сильный! Прощайте, мои родные, даст Бог, свидимся! – прокричал он, запрыгивая в машину. Машины с новобранцами направлялись в краевой центр Алтайского края, город Барнаул, а оттуда – по учебным частям.

...Призывники, переодетые в военную форму на сборном пункте Барнаула, становились в строй, получая инструкции от командиров. Сколько суровости было в глазах молодых мужчин, возмужавших только от одного известия о войне. От досады на наглого врага, нарушившего мирный, привычный ход жизни, вчерашние юнцы становились мужчинами, а их внутренние сомнения трансформировались в гранитную решимость – уничтожить! За то, что плачет мать, за то, что детская ладошка гладит по щетинистому лицу отца, за неоконченный танец, за разлуку с любимыми и, за Родину; где дом, село, город, речка, лес и небо, такое чистое и голубое...

Письма домой от Алексея были нечастыми. Он писал, что служит в 21-ом гвардейском стрелковом полку. Водит машину «ЗИС-5», подвозит снаряды. О чёрных военных буднях он не писал, а о себе, что здоров и ребята в полку хорошие, много земляков. Писал, что с такими мужиками мы быстро справимся с ненавистными фашистами и вернёмся домой. Расспрашивал о детях, о родителях и в каждом письме просил беречь себя. В конце марта пришло письмо, в котором он сообщал, что в первых числах апреля будет проездом на станции Рубцовск, их отправляют на фронт. Наверное, это были какие-то военные маневры, если их полк переправляли через эту станцию. Расстояние до Рубцовска около ста километров. Оля, оставив детей в семье матери, собрав мешок с домашней снедью, отправилась в дорогу. И мать, и свекровь уговаривали её, чтоб не ездила.

— Как же ты, беременная с таким мешком потащишься. Вдруг с тобой по дороге что-нибудь случится, что тогда?

Но Оля твёрдо стояла на своём: «Поеду и всё тут! Ничего такого со мной не случится. Вы лучше за детьми присмотрите». Она выехала раньше, с запасом времени. Третью часть пути добиралась на лошадях, между селами с небольшим расстоянием шла пешком, дальше — на попутных машинах. Добравшись до вокзала, ей удалось притулиться на лавке, потеснив таких же, как она людей, ожидающих военного эшелона. От усталости она задремала и очнулась от шумной суеты, связанной с приближающимся к вокзалу поездом. Выдавленная мощной силой толкающихся людей на перрон, оказалась среди плачущей, орущей и стонущей толпы. С грохотом паровоз медленно скользил по рельсам, а навстречу ему бежали женщины; кто с детьми на руках, кто с узлами и все громко кричали имена своих родных. В открытых дверях вагонов толпились солдаты и, как только поезд остановился, воины стали прыгать из вагонов на перрон, прямо в объятия своих любимых и родных. Свист, рёв, крик — всё смешалось в сплошной хаос!

— Алексей! — закричала Оля, и её слабый голос утонул

в лавине душераздирающих криков. Толпа кружила маленькую беременную женщину в круговороте всеобщего горя, а она всхлипывала и повторяла:

— Алексей, Алёша!

Поворачивалась к каждому солдату и спрашивала:

— Алексея Тараканова, где найти? Вы его не знаете?

И снова начинала кричать:

— Алексей, Алёша!

Но никто не спешил ей помочь, все были поглощены собственными поисками, или свиданием с любимыми и не хотели терять, ни одной секунды драгоценного времени, может быть для многих последнего.

— Алексей, Алексей, — как молитву, сквозь рыдания твердила Олечка, заглядывая в каждый вагон, и тут раздалась громкая команда: «По вагонам!»

Волна крика и плача прокатилась с новой силой и, заглушая её духовой оркестр, грянул «Прощание славянки». Поезд медленно удалялся вдоль перрона, увозя солдат на смертный бой, увозя тысячи молодых жизней в вечность. У судьбы было полчаса времени, чтобы дать двум любящим сердцам ещё, хоть на миг, прикоснуться друг к другу. Но коварная — она не захотела одарить их своей милостью. Охрипшая от крика, Оля брела вслед за поездом и шептала: «Алёша, Алёша, Алёша...».

С трудом добравшись до дома, Оля слегла совсем. От сильного душевного и физического потрясения у неё началось кровотечение и, как следствие — преждевременные роды. Родился мальчик, он был мёртв. Оплакав младенца, Оля ещё долго приходила в себя, под присмотром своей матери, только болеть в ту пору было некогда, наступала посевная, огородная пора. Через месяц пришло письмо от Алексея. В нём он сильно горевал о том, что Оля не смогла приехать на встречу. Писал, что оббегал весь перрон и в здании вокзала искал её и, когда объявили посадку, решил, что приехать не смогла. Спрашивал, как она себя чувствует, как дети, как родители и в этом письме он сообщил, что его по-

высили в звании, и он теперь гвардии младший лейтенант, и его приняли в ряды партии коммунистов.

А в далеком Алтае жизнь шла своим чередом. Здесь люди были избавлены от страшных бомбежек и оккупации, как это было на Украине, в Поволжье, Белоруссии и Центральной России. Но здесь был голод. С начала войны это не очень ощущалось, у многих оставалось хозяйство. У Олечки, пока была корова, ещё жили, но через год, после отъезда Алексея, корова в стаде сломала ногу, пришлось заколоть. Половину мяса сдали в колхоз, в загототдел, туда сдавали излишки. Принимали любые продукты питания, шерстяные изделия, одежду, валенки — всё, что могло пригодиться фронту. В магазинах ничего не было, да и купить было не на что. Лепёшки на сухой сковородке пекли из мёрзлой картошки. Сушили лебеду и мололи в муку, из которой пекли что-то, похожее на хлеб. И это только мизерное представление о том, как переживали зиму, летом было немного легче. Мальчишки ловили в речке рыбу, ходили в поле за ягодами, благо, в этом недостатка не было. Бывало, на лошади проедешь по полю — все колеса у телеги красны от мятой клубники. Набирали её ведрами, сушили, а зимой она была вместо сахара. Дети всё лето носили грибы и ягоды на сборный пункт в загототдел, оттуда собранный урожай отправляли на переработку и на фронт. Дети трудились рядом с взрослыми, но никогда не роптали и не жаловались на усталость. Все знали, что каждый день приближает победу и, чем больше будет сделано в этом дне, тем большую помощь получают бойцы, которые не щадя жизни, бьют врага, возвращая мир всей стране, возвращая детям детство.

Однажды Олечке приснился страшный сон. Сны бывают разные, многие сразу же забываются и им не передают значения. А Оля помнила свой сон всю жизнь. Гулянка, Оля в красивом ярком платье, молодая, выходит на круг и бьёт свои знаменитые «дробушки». А платье волной, колоколом, а каблучки дробью, да с притопом! И вдруг слышит крик! Она бежит на него, а перед ней огромная, глубокая яма, в

которой стоит Алексей, с младенцем на руках, а рядом с ним сыновья – Саня и Гоша, они кричат, а выбраться не могут. Оля бросается к ним на помощь, тянет руки, кричит, бросает веревку, тянет, но сил вытянуть семью из ямы, у неё нет. Задыхаясь, от пережитого во сне ужаса, она проснулась в холодном поту. Так и носила под спудом этот роковой сон.

До Победы оставалось год и два месяца. В конце февраля в дом Ольги пришла чёрная весть. В похоронке было сообщено, что её муж погиб 11 февраля 1944 года в боях за город Витебск. Похоронен в деревне Цыганы, Белорусской ССР.

Горе, оно у всех переживается одинаково. Безысходность события и вечный вопрос: «А как же без него? А что дальше?»

... А дальше была Победа! Наступала мирная созидательная жизнь, в которой было можно все: спокойно учиться, трудиться, влюбляться, жениться, рожать детей, строить города, заводы, всё, чем можно было вылечить Родину от ран войны. Только раны души не заживались никогда!

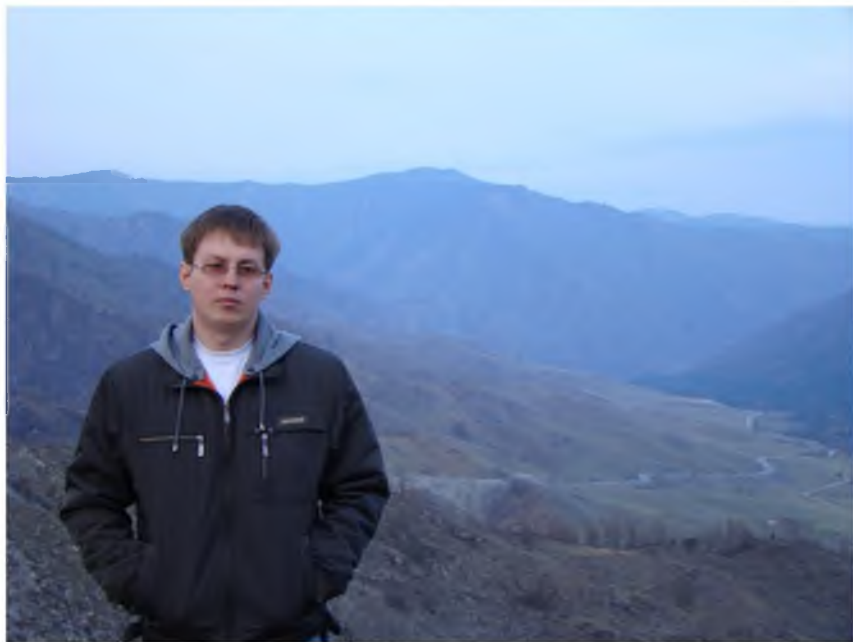
Оля осталась вдовой в возрасте двадцати пяти лет. Никогда больше у неё не было ни одного мужчины. Одна растила детей, потом внуков. Всю жизнь она прожила с ними и в коротких воспоминаниях она называла Алексея — мой хозяин. Наверное, так она хотела выразить фразу: «Хозяин моей души». Перед самой кончиной она очень ярко описывала картину той поездки на встречу с любимым мужем, когда судьбе неугодно было, чтобы они увиделись ещё раз. Олечка умерла на руках у своей старшей внучки, в возрасте восьмидесяти четырёх лет, немного пережив своих сыновей. После себя они с Алексеем оставили пятерых внуков, которые делегировали младшего, Юрия на поездку в Белоруссию. Там он разыскал братскую могилу, в которую были перезахоронены останки бойцов, уже после войны. Она находится в селе Большие Стайки, Витебской области.

Младший лейтенант 21-го стрелкового полка,
Парторг батальона – Тараканов Алексей Иванович

1914 г. рождения. Погиб 11го февраля 1944го года,
Сражаясь на Белорусском фронте, под Витебском.

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ ГЕРОЮ!
ВЕЧНАЯ СЛАВА ВСЕМ ГЕРОЯМ, НЕ ВЕРНУВШИМСЯ К
РОДНОМУ ПОРОГУ!

Михаил Кыров

Родился в 1982 г. В 1997 г. закончил девять классов Майминской средней школы №3 и поступил в Горно-Алтайский сельскохозяйственный колледж по специальности «Бухгалтерский учёт». Успешно закончив в 2000 г. колледж, начал свою трудовую деятельность в налоговых органах. До 2015 г. прошёл путь от ученика специалиста Майминской налоговой инспекции до главного налогового инспектора Управления Федеральной налоговой службы по Республике Алтай. Одновременно с работой в налоговых органах заочно получил высшее экономическое образование в Новосибирском государственном техническом университете.

С детства увлекаюсь спортом, музыкой. Закончил Майминскую детскую школу искусств по классу «Аккордеон». В настоящее время увлекаюсь фотографией. Успешно прошёл курс обучения в фотошколе «Азбука фото» г. Бийск. Работаю в сфере пассажирских перевозок (такси).

Стояли сутки у станков,
валились с ног от изможденья,
Во имя фронта, за Союз,
за Родины своей спасенье.
Почти три года смерть
терзала нас среди обломков баррикад,
Но дух победы,
воля к жизни не оставляли Ленинград.

Война

Замок границ с петель срывая,
вломилась вероломно в мир,
В Москве, почуяв сердца слабость,
клыком вонзаясь как вампир,
Орда со свастикой фашиста
влилась кровавою волной
По беззащитным душам чистым,
вслед всё сжигая за собой.

Война не спросит: «Стар ты? Молод?»
Перечеркнёт вчерашний быт.
Там, где кричал про лютый голод,
лишь прохрипишь: «По горло сым!»
В сознание путаются мысли:
«Что делать? С кем? Куда бежать?»
Ты вырван из привычной жизни,
вчера уже не наверстать.

Ещё намеряли вальс весенний,
 признание девушке в любви,
Сегодня в рваной гимнастёрке
 по локоть в вражеской крови.
Но каждый метр, не сдав без боя,
 вставали дружно, как один,
Ногами в землю прорастая,
 с единой мыслью: «Победим!»
Теряя земляков и близких,
 сквозь дебри и болота вброд,
Уже прожжённые мужчины,
 к Победе шли четвёртый год.

Лидия Панченко

Автобиография Панченко Лидия Ивановна родилась в с. Власиха г. Барнаула Алтайского края 15.02.1953 года.

В 1982 году с отличием окончила ГАГУ в Горно-Алтайске и по сей день работаю биологом в МБОУ «Гимназия №9 «Гармония» г. Горно-Алтайска».

Мои стихи размещены на странице сайта Стихи. ру, псевдоним Тугая.

Цена Победы

*Возможно с сорок первого по сорок пятый год
Светиться стал чуть ярче над нами небосвод,
Там звёзды-душ людей погибших миллионы
Ушли на небо строем полки и батальоны.
Свет звёздочек далёких, их яркое мерцание,
Нам всем, живущим как, напоминание.
Кто сосчитает, сколько их, тот будет потрясён:
Какой огромною ценой для нас был мир спасён!
Ведь если траурной традиции нам дань отдать,
О каждом, кто погиб тогда, минуту помолчать,
То в тишине пронзительной замрёт планета вся,
Не на неделю,
 не на год,
 а лет на пятьдесят!*

Отец, я горжусь тобой

*Село Константиновка, Харьков — направление,
Сержант Гаврин проявил смекалку и умение.
Военной присяги устав не нарушив,
Смертельным огнём били в цель Катюши.
В архивах секретных прочла я бумагу,
Где был награждён мой отец "За отвагу"
Пусть слёзы мои льются, я их не стыжусь,
Отважный отец мой, тобой я горжусь!*

В день Победы

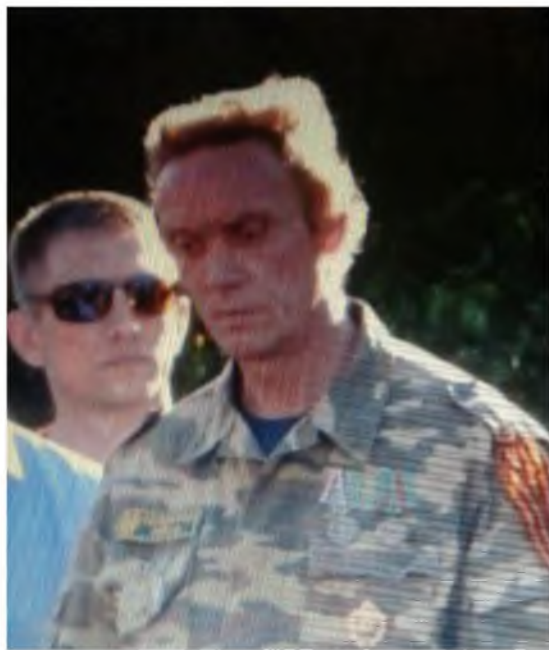
*Предки заплатили дорогой ценой,
Люди, наслаждайтесь мирной тишиной!
Пусть звенят фанфары, и гремит салют,
Это внуки дедам поздравления шлют!*

Не сломить Россию

С момента основания Руси
Мир нарушали врагов набеги.
Кто нападал? Историков спроси:
Хазары, половцы, монголы, печенеги.
Не год один готовились к войне,
Пленить святую Русь хотели шведы.
Тела в доспехах оказались их на дне.
И Александром поднят флаг победы.
Увидеть златоглавую столицу,
Давно мечтал о том Наполеон.
Его мечта смогла осуществиться,
Но из Москвы позорно изгнан он.
Адольф кричал: «Я завоюю города,
Народы покорю, их строй разрушу!»
Но не учёл: НИКТО и НИКОГДА
Не смог сломить России душу!

Угорь Тахтарёв

Родился 2 февраля 1964 г. в г.Барнауле.

Победитель литературного фестиваля 2017 г. в Замульте,
поэт-бард.

Стылое стонет поле.
Воронов пятна крапом.
Ветер гуляет вволю,
Стылые стонут хаты.

Плачут седые избы,
Перекосились трубы.
Дым не выходит сизый,
Слёзами плачут срубы.

Зябко и больно где-то
С той стороны, где сердце.
Песня ещё не спета,
Сорвана с петель дверца.

Время не лечит судьбы,
В коме страны дороги.
Стали другими люди
На виражах тревоги.

Но, как и раньше светит
Веком двадцатым братство.
Кто-то за всё ответит.
Нам ли их всех бояться?

Стой прохожий! Не высказать
Глаз твоих пустоту
Это можно лишь выстрадать
Сном в холодном поту.

Принимая за истину
Славу наших побед,
Помолиться неистово
О величии лет.

Крест поставить зарубкою
На погосте времён,
Всё впитавших как губкою —
От смертей до имён.

Колокольчик не колокол,
Трель его — не набат.
Запустившие Молоха
Обещают наград.

Тем, кто ныне у пристани
Отошедшей мечты,
Кто сражался и выстоял,
Погибая почти.

*Слава, славонька, славушка...
Идеалы долой.
Покрывается травушкой
Подвиг наш фронтовой.*

*Всё проходит, меняется,
Только так же, как встарь,
На годах закаляется
Всенародная сталь.*

Виктор Нисаренко

Виктор Михайлович родился недалеко от города Антрацита, в с. Каменное в 1935 г.

Закончил школу, детство ушло.

Получил профессию, о которой мечтал с детства и любимую работу на всю трудовую жизнь. После института профессия увела его с родных мест.

Около полувека жизни, от студенческой скамьи до сдачи последнего отчёта, отдал он геологии, и большей частью – геологии Горного Алтая.

Моё военное детство

Антрацит — это слово, крупными буквами написанное на броне танка, наверное, многие видели в кадрах хроники во время битвы за Новороссию. Так называется город в Луганской области в 170 км. к западу от Российского Ростова.

Недалеко от города Антрацита, в с. Каменное я и родился в 1935 г.

Край наш шахтёрский. Уголь марки «антрацит» добывался здесь уже полтора века назад. Моё село шахты обходили долгое время, и было оно чисто сельское — с колхозом, полями, коровами.

Мы, ещё мальцами, помогали взрослым в сельском деле, и даже зарабатывали трудодни.

Но угольные пласты залегают и под селом, и под полями. Пришёл и их черёд. В конце 40-х построили мощную шахту «Лобовская» для добычи антрацита.

На моих глазах седая донецкая степь с ковылем, сусликами, курганами, с небольшими, уютными дубравами по долинам речушек и оврагами с чистыми родниками — криницами, уходила в прошлое.

Вся эта первозданность мира, наивная прелесть дикой степи исчезала быстро и неотвратимо.

На полях возвысились стометровые терриконы — конуса черной горной породы, уютные, залесенные балки-овраги запружены и заполнены мелким штыбом-углем с флотационных фабрик, в чистые родниковые ручейки хлынули черные, шахтные воды.

Окончил школу, детство ушло. После института профессия увела меня с родных мест. Но и сейчас, уже в пожилом возрасте, иногда всплывёт в памяти очарование того далекого бытия и посветлеет на душе.

Все это было потом, а сначала была война. К нам она пришла в августе 41-го. Наши ушли, за селом горит поле спелой пшеницы, рвутся снаряды в пылающей, брошенной танкетке.

Прилетело несколько снарядов, сгорело две хаты, но немца ещё нет.

За неделю до этого мы «эвакуировались». Замкнули дом, взяли тачку, положили постели и харчи, привязали корову сзади. Мама со старшей 8-летней сестрой моей тележку катит.

Я веду-тащу младшего брата, ему два — по третьему годiku, он уже сам дыбает, а больше у меня на закорках.

К вечеру прибыли в небольшое сельцо из нескольких домиков, спрятанное надежно в дубраве с родником.

Время было жестокое, и была жесткая директива сверху. Предписывалось все ценности вывезти в тыл, населению идти на восток. Что невозможно вывезти — ломать, сжигать, оставляя врагу выжженную землю. Никто не считался с невозможностью её исполнения. Успели вывезти заводы, фабрики, какие-то ценности, угнали скот. Но чтобы население Белоруссии, Украины, Западных областей России, захваченных в первые 1,5-2 месяца войны, сожгло свои хаты и двинуло на восток, было за гранью возможного. Целые армии не успели отступить, и были окружены. И люди никуда не двигались, или поступали как моя мама, изобразив для уходящей власти эвакуацию, а дальше уж будь, что будет!

Между уходом наших и появлением немца, так мы всегда называли оккупантов, образовалось затишье, и мы вернулись.

Уже на второй день проскочило несколько автоматчиков на мотоциклах, а за ними немецкая часть.

У нас обосновалась какая-то сборная команда. Тут были итальянцы, румыны, венгры. Немцев немного.

Наш дом по тем временам был едва ли не самый большой в селе и снаружи красивый. Мама понимала, что не избежать «квартирантов». Мы загодя две лучшие комнаты за-

били соломой, кукурузными стеблями, травой, т.е. сделали что-то вроде сеновала. Сами ютились в прихожей и на кухне. Новая власть пыталась поселить немца-офицера, и быстро отвортила нос. Но его — денщика-венгра Митю подселила. Мы с ним ладили. Он, как и прочие покорённые Германией европейцы, насильно был взят в армию. Вечерами с ним вместе сидели у печки и слушали про его довоенное житьё. Как он хорошо жил дома, как его любила мама, как его одевала и кормила. К нам относился хорошо, иногда приносил что-нибудь поесть. Пишу о тех, что оставались у нас вроде гарнизона. Немецкие части, хорошо экипированные, уверенные, бравые в селе не задерживались и шли далее на восток, к Волге.

За те полтора года, что были под немцем, каких-то зверств от оккупантов не припоминаю, возможно, потому, что это была какая-то вспомогательная, разнородная племенная часть.

Одно время недолго у нас стояли два румына, видно дremучие, деревенские мужики. У соседей квартировали итальянцы.

Открытого сопротивления врагам у нас не было, как не было и добровольного сотрудничества. О Краснодарском подполье узнали только после войны в школе. Возможно потому, что наша местность слишком открытая для масштабных партизанских действий.

Новая власть отлавливала молодежь 14-15 лет для отправки в Германию. Попали и у нас несколько ребят, которые не успели спрятаться.

Немцы ввели свои порядки, назначили старосту, полиция. Открыли школу с Законом Божьим и телесными наказаниями. Сестра училась, а мне мама убрала один год, и в школу из-за малолетства не попал.

Кормились запасами с огорода, и корова была какое-то время.

В оккупации находились до февраля 43-го года, когда через нас прокатывались на запад разбитые и отброшенные от Сталинграда гитлеровские армии. Были это не те бравые

вояки 41-го. Изрядно слинявшие и потрёпанные, передвигались на чём только можно.

Вспоминаю, по талому снегу собаки тащат лодку, в ней два скукоженных итальяшки.

На второй день вошли наши. Для нас война закончилась. Отца-шахтера вернули с фронта восстанавливать шахты. Семье стало легче. Отец получал пайку 600г., а нам, как иждивенцам давали по 150 г.

Донбасс заработал, пошёл уголь. В 43-м я уже в школе, в первом классе. Писать не на чем, сшивали в тетрадки довоенные письма и любые бумажки, на них и упражнялись. Для чернил разводили сажу, сок бузины и что-то еще. Учебников – никаких, весь материал из головы учителя. Во втором классе появился первый печатный учебник, задачник по арифметике. Задание надо было списать каждому, учебник после уроков передавали от хаты к хате, из улицы в улицу. Школы не было, учился каждый класс в какой-нибудь избе.

В 44-м страна была освобождена, война ушла в Европу и двигалась к неизбежному окончанию.

Донбасс восстановился. Днепрогэс начал давать ток, в домах появилось электричество. Заработал колхоз, стали заниматься посадками огородов, от шахты получали полоску земли и тоже засаживали. Земля помогала нам жить.

Уже в 47-м отменили хлебные карточки. Первый послевоенный год 46-й был голодный, но мы не голодали – отец работал и земля кормила. Ну а те семьи, у которых не было работника на шахте и, вообще, мужиков, откровенно голодали.

В земельных делах я был отцу помощник. В огороде сажали, в основном, картошку и кукурузу. Картошку не клубнями – очистками, кукурузу – по одному зернышку в лунку. Всю землю тщательно загребали граблями. Но голодные ходили по полям, находили лунки, выбирали очистки и зернышки и съедали.

После отмены карточек народ ожил и спасся от голода. Но достатка ещё долго не было.

С 1953 г. я, будучи студентом, жил на стипендию, родители помогать не могли, и лишь по приезду к ним старались накормить тем, что было. Особого достатка не наблюдалось и позже, когда приезжал в отпуск на родину с Алтая. Но это уже взрослая жизнь такая, как у любого из моего поколения.

Получил профессию, о которой мечтал с детства и любимую работу на всю трудовую жизнь. Всегда было ощущение, что у тебя есть одна страна, ты работаешь на её благо, на её силу и процветание. Не задумывалось и не подразумевалось, что благосостояние страны и твоё личное – неразделимы. Это нас объединяло в сообщество людей с одними идеалами, с верой в светлое будущее.

С такой наивной философией мы, дети, ушедшего в историю государства, попали в новое общество с разъединяющей идеологией. Общественное устройство, в котором ценность личности определяется объёмом присвоенных ресурсов и, соответственно, уровнем потребления материальных благ, не может объединить людей, привести к единому человечеству с общими идеалами и благоустроенным будущим.

Нынешнее разобщение на страны, народы, племена, на тайные общества и разнородные «элиты», отчуждённые от народов, оттягивающие на своё потребление значительные общечеловеческие ресурсы, не имеет иного будущего, кроме деградации и одичания.

Убеждён, что такое состояние недолговечно. И, если земная цивилизация не от космических, тектонических или внутри человеческих угроз, мы объединимся в мир людей, избавленных от атавистической звериной хищности, и ныне ярко проявленной по всей Земле. Общей целью нашей тогда будет благоустройство планеты, единого для всех дома на долгие века. Возможным это станет лишь в разумно устроен-

ном справедливом обществе, где каждая личность комфортно себя чувствует и способна полностью реализовать свои природные способности.

Неизбежно человечество отойдёт от многовековой, и ныне действующей толпо-элитарной модели общественного устройства.

И только тогда объединенное человечество может обозначить свои цели и познать своё предназначение!

Оглавление

Предисловие	3
Сергей Дыков	5
Георгий Черных	10
Владимир Уделяев	23
Светлана Костина	27
Сергей Адлыков	32
Мария Образцова	44
Серикжан Толегенов	52
Георгий Балакин	61
Татьяна Чанчибаева	68
Ольга Ельдекова (Истомина)	85
Оксана Хлопотова	89
Александр Дударев	97
Оксана Холманская	100
Мария Пахорукова	102
Ирина Евдокимова	131
Галина Свириденко	134
Татьяна Кульбеда	150
Николай Воробьев	154
Алексей Гаев	160
Юрий Гаев	163
Юлиана Семенцова	165
Вера Ленская (Арляпова)	167
Борис Семенцов	171
Надежда Кетрарь	176
Людмила Гришка	179
Михаил Кыров	196
Лидия Панченко	200
Игорь Тахтарёв	204
Виктор Писаренко	208

Майминское литературное объединение «Ли́ра».
Республика Алтай, с.Майма, ул.Советская,57.
Тел. 8-(38844)-22-9-76

В составлении сборника приняли участие:
Ельдекова О.М., Свириденко Г.Н, Образцова М.Ю.
Вёрстка и дизайн: *Кобзев А.А.*
Фото на обложке: *Ельдекова А.В.*

